

«Огромная заслуга наших партий состоит в том, что советско-венгерская дружба стала достоянием миллионов и миллионов советских и венгерских трудящихся».

Л. И. БРЕЖНЕВ

В зале заседаний съезда.

ШАГИ СВЕРШЕНИЙ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 14 (2491)

1 АПРЕЛЯ 1975

22 марта в Будапеште завершил свою работу XI съезд Венгерской социалистической рабочей партии.

По масштабам свершений братской республики за последние годы, итоги которых подвел съезд, по значимости выдвигаемых задач форум венгерских коммунистов, несомненно, займет видное место в истории социалистической Венгрии.

Съезд единодушно принял новое Программное заявление партии, рассчитанное на последующие 15—20 лет. Трудящиеся страны назвали его «основным документом своего будущего». В нем поставлена вдохновляющая цель — построить развитое социалистическое общество и сделать тем самым крупный шаг к коммунизму.

Огромный интерес во всем мире вызвало выступление Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева на XI съезде Венгерской социалистической рабочей партии.

Будапешт, 18 марта 1975 года. XI съезд ВСРП. На трибуне — глава делегации КПСС, Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев.

Фото В. Мусаэльяна и В. Соболева. ТАСС.

Проводы на Западном вокзале Будапешта. Телефото С. Смирнова

«Все мы уверенно приближаемся к достижению тех коренных целей, во имя которых коммунисты подняли над миром знамя своей теории, во имя которых совершались и совершаются социалистические революции, трудятся народы наших стран,— говорил на съезде товарищ Л. И. Брежнев.— Это — обеспечение материального и духовного благосостояния, достойных условий жизни всем гражданам, превращение высших ценностей культуры в достояние самых широких народных масс, создание возможностей для подлинно гармонического развития человеческой личности. В глазах трудящихся всех стран наши достижения служат убедительным примером преимуществ социализма».

В дни работы съезда в Будапеште состоялась дружеская встреча руководителей правящих партий социалистических стран. В обстановке искренности и полного единодушия они обменялись информацией о ходе социалистического и коммунистического строительства, обсудили вопросы, связанные с предстоящей тридцатой годовщиной разгрома гитлеровского фашизма, рассмотрели ряд актуальных проблем международного коммунистического движения и мирового развития.

Москва. 21 марта. Встреча на Киевском вокзале столицы. Фото А. Гостева.

НА XIV СЪЕЗДЕ ИТАЛЬЯНСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

В обстановке подлинно боевого подъема проходил в Риме XIV съезд Итальянской коммунистической партии. В докладе Центрального Комитета, с которым выступил Генеральный секретарь ИКП тов. Энрико Берлингуэр, отмечалось, что политика, инициативы и вся деятельность ИКП придали партии такую силу, которая ставит ее в центр политической жизни страны.

Приветствуя делегатов от имени Коммунистической партии Советского Союза, глава делегации КПСС, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС А. П. Кириленко подчеркнул, что отношения между КПСС и ИКП, основанные на фундаменте идей Маркса — Энгельса — Ленина, на верности пролетарскому интернационализму, идеям дружбы и солидарности, постоянно крепнут и расширяются. А. П. Кириленко вручил президиуму приветствие Центрального Комитета КПСС XIV съезду ИКП.

19 марта глава делегации КПСС вручил Председателю ИКП Луиджи Лонго орден Ленина. Товарищ Лонго награжден за большие заслуги в международном коммунистическом и антифашистском движении и активную деятельность в деле укрепления дружбы и сотрудничества между советским и итальянским народами и в связи с семидесятипятилетием со дня рождения.

21 марта товарищ А. П. Кириленко выступил на массовом митинге в Болонье, куда делегация КПСС приехала вместе с представителями других братских партий по приглашению коммунистов города. Этот митинг вылился в яркую манифестацию интернационализма и боевой солидарности коммунистов.

23 марта XIV съезд ИКП завершил свою работу.

Открытие XIV съезда ИКП.

А. П. Кириленко вручает орден Ленина Луиджи Лонго.

В зале заседаний во время работы съезда. **Фото В. Егорова (ТАСС)**

Во время беседы.

В ДРУЖЕСТВЕННОЙ ОБСТАНОВКЕ

По приглашению Советского правительства с 19 по 24 марта в Советском Союзе находился с официальным визитом Премьер-Министр Французской Республики Ж. Ширак.

Состоялись переговоры между членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным, членом Политбюро ЦК КПСС, министром иностранных дел СССР А. А. Громыко и Премьер-Министром Франции Ж. Шираком.

24 марта Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев принял находившегося в Советском Союзе с официальным визитом Премьер-Министра Франции Ж. Ширака.

Ж. Ширак передал Л. И. Брежневу послание президента В. Жискар д'Эстэна.

В ходе беседы было отмечено, что имеются широкие возможности для дальнейшего углубления и расширения отношений между Советским Союзом и Францией на базе принципиальных договоренностей, достигнутых во время советско-французской встречи на высшем уровне в Рамбуйе в декабре 1974 года. Л. И. Брежнев и Ж. Ширак обсудили некоторые крупные проблемы международного характера.

Беседа прошла в деловой, конструктивной обстановке.

24 марта в Кремле состоялось подписание советско-французских документов.

Были подписаны Соглашение между правительством Союза Советских Социалистических Республик и правительством Французской Республики о сотрудничестве в области охраны окружающей среды и Соглашение между правительством Союза Советских Социалистических Республик и правительством Французской Республики о сотрудничестве в области сельского хозяйства.

За правительство Советского Союза соглашения подписал Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, за правительство Французской Республики — Премьер-Министр Франции Ж. Ширак.

Возложение венка к Мавзолею В. И. Ленина.

Подписание советско-французских документов

Фото А. Гостева.

24 марта в Москву по приглашению Президиума Верховного Совета СССР с официальным дружественным визитом прибыл Президент, глава государства, председатель Государственного совета Народной Республики Конго Мариан Нгуаби.

Перед началом советско-конголезских переговоров.

Фото А. Гостева

Наш взгляд

ОТРАДНЫЙ СДВИГ

Владимир ОСИПОВ

Сейчас представляется не только возможным, но и вполне вероятным, что Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе будет успешно завершено летом нынешнего года, и завершено на высшем уровне. Такое заключение позволяют сделать как последние сообщения из Женевы, где проходит второй этап совещания, так и выступления руководителей ряда государств. Приведу некоторые из оценок на этот счет.

Министр иностранных дел Финляндии А. Карьялайнен в интервью финской газете «Илтасет»: «Работа второго этапа Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе продвигается настолько успешно, что многие сложные вопросы уже решены или близки к решению». По мнению А. Карьялайнена, участникам второго этапа Совещания осталась главным образом редакционная работа.

Министр иностранных дел Франции Ж. Сованьярг: «Следовало бы завершить совещание летом этого года».

Канцлер ФРГ Г. Шмидт, выступая на днях перед фракцией СДПГ в бундестаге, отметил, что в Женеве еще предстоит определенная работа и что некоторые из пунктов «еще нельзя рассматривать законченными». «Но,— продолжил он,— мы считаем, что эти пункты могут быть урегулированы в течение этих месяцев, и тем самым будет открыт путь для совещания на высшем уровне летом. То значение, которое Л. И. Брежнев уже несколько месяцев придает окончанию совещания, заслуживает в любом случае внимания и изучения».

Есть, конечно, достаточно веские причины, чтобы придавать этому совещанию особое значение. Речь идет о крупной коллективной акции 35 государств Востока и Запада, которая призвана закрепить поворот от конфронтации к сотрудничеству, сделать Европу континентом надежного и прочного мира, создать здесь новый и действенный кодекс отношений, достойных европейских народов.

Ясно сейчас, кажется, всем и каждому, что в условиях ракетно-ядерного века можно либо сосуществовать, либо не существовать вообще. А поскольку второе — не выбор, мыслимы практически лишь два варианта отношений Восток — Запад: сосуществовать, сотрудничая, либо сосуществовать, отгородившись друг от друга заборами, заборами ядерных ракет, противостоящих военно-политических блоков, дискриминационных торговых тарифов и т. п. Выбирать, таким образом, остается только между политикой разрядки и той, что была известна как политика «холодной войны».

Но для всех, кто в здравом уме и твердой памяти, нет, строго говоря, и этого выбора. За два десятилетия «холодная война» не принесла блага ни одной из сторон и ни одной из стран; и нет абсолютно никаких оснований полагать, что принесла бы, продлись эта «холодная война» еще сто лет. Словом, ни «холодная», ни «прохладная война» не альтернатива для здравомыслящих людей, она попросту неразумна. Разумна в наш век лишь политика разрядки, то есть политика упрочения безопасности и постепенного снижения разделяющих Восток и Запад заборов, политика налаживания взаимовыгодного сотрудничества в различных областях человеческой деятельности. Ведь мир, помимо всего прочего, оказывается сейчас еще и перед лицом растущего числа глобальных проблем, таких, как, например, сохранение окружающей среды, решать которые в одиночку не под силу ни одному из государств, каким бы богатым и могущественным оно ни было.

Но из всех этих посылок — верных для мира вообще, для Европы особенно — следует прежде всего то, что мы должны исключить силу или угрозу ее применения в отношениях между государствами. Мы должны признать нерушимость существующих границ в Европе, признать суверенитет государств, их равенство, недопустимость вмешательства во внутренние дела друг друга, создать необходимые условия для равноправного, без какой бы то ни было дискриминации сотрудничества на основе взаимной выгоды, для налаживания контактов между организациями и людьми во имя укрепления доверия между народами.

Спору нет, задача не из простых. Не будем забывать: многие годы конфронтации, что называется, «по всему фронту», накопившиеся за это время подозрительность и предвзятость оставили свой след. Не будем забывать: в «холодную войну» были вложены огромные средства — в прямом и в переносном смысле, и реакционные инвеститоры с Запада все еще ждут «причитающихся дивидендов». А все это значит, что безопасность и сотрудничество не приз, который можно выиграть в лотерею, лишь бы повезло: и того и другого надо добиваться — целеустремленной борьбой, выдержкой, подчас терпением.

Многое уже сделано на этом пути. Вспомним хотя бы итоги встреч Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, а также других советских руководителей с лидерами таких держав, как ФРГ, США, Франция, Англия. Или самый последний пример — результаты визита в Советский Союз премьер-министра Франции Ж. Ширака. Мы вполне можем сказать, что в целом отношения СССР и большинства других братских социалистических стран с главными державами капиталистического мира уже входят в более или менее нормальное русло, отвечающее понятиям мирного сосуществования и мирного взаимовыгодного сотрудничества.

Это русло, конечно, еще не до конца расчищено и не совсем освоено: для этого нужно время. Но в том, что касается Европы, Совещание по безопасности и сотрудничеству может значительно ускорить этот процесс. «Государства — участники Варшавского Договора,— отмечал, выступая на XI съезде ВСРП в Будапеште, товарищ Л. И. Брежнев,— координируя свои действия, прилагают к этому все усилия. Сейчас, пожалуй, можно сказать, что и большинство других участников совещания склоняются к тому, чтобы завершить его работу в ближайшие месяцы, причем на высшем уровне. Это, конечно, отрадный сдвиг».

КТО НАЗ ИХ ИМ

Три месяца назад «Огонек» опубликовал фотографию, которая была сделана 2 мая 1945 года у Бранденбургских ворот в Берлине. Мы попросили откликнуться участников митинга, запечатленного военным корреспондентом Е. Халдеем.

В ответ мы получили около пятисот писем. Они составили волнующую повесть о тех, кто трудными дорогами войны прошагал до самой Победы, кто своими руками водрузил знамя над рейхстагом. Сегодня мы публикуем новые страницы этой повести о народном подвиге.

ГОРДИМСЯ ОТЦОМ

Мы узнали на снимке нашего отца Валитова Губая Султановича. Он воевал в 178-м стрелковом полку на Украинском фронте, был старшиной стрелковой роты. Отец ушел на войну в первые же дни и закончил ее в Берлине. Имеет много наград.

Мы гордимся своим отцом. Нас у него четверо.

Сейчас папа работает управляющим совхоза. Односельчане очень его уважают. Еще хотим добавить, дорогая редакция, он узнал на снимке двух товарищей, это Бриллиантов из Москвы и Коньков.

Семья ВАЛИТОВЫХ

Башкирская АССР, Кумертауский район.

САША, ОТЗОВИСЬ!

Одного из участников митинга у Бранденбургских ворот, запечатленного на снимке Е. Халдея 2 мая 1945 года, я, кажется, узнал: гвардии старшина Ковалев Александр Устинович, стрелок-радист танка «ИС-2» 51-й танковой бригады 6-го гвардейского Киевско-Берлинского танкового корпуса 3-й гвардейской танковой армии. В последних боях на улицах Берлина, как и на Сандомирском плацдарме, а еще раньше при освобождении Киева храбро сражался смоленский парень Саша Ковалев и стал полным кавалером ордена Славы.

У рейхстага и Бранденбургских ворот я оказался позже. Мы подъехали на автомашинах 2 мая днем. Были митинги, объятия, радость всеобщая: дошли, добили фашистского зверя!

После исторической экскурсии к рейхстагу мы двинулись стальной лавиной на юг, на Прагу, где и застала нас долгожданная Победа.

Ковалев Александр Устинович остался служить в Советской Армии, я в январе 1947 года ушел в запас. Крепко надеюсь, что мой друг военных лет жив, здоров и по-гвардейски несет трудовую вахту или служит в победоносной Советской Армии.

Снимок, который вам посылаю, сделан в городе Виттенберге в 1946 году. Саша (он справа) впервые надел погоны младшего лейтенанта, по этому случаю мы с ним и сфотографировались.

Н. НАСЫРОВ

Вильнюс.

ОТДАЮ ИМ ЧЕСТЬ

О фотографии в «Огоньке» я узнал из передачи «Маяка», когда лежал в больнице,— старые раны дают еще знать о себе. Позвонил домой, сын-шестиклассник принес журнал.

На снимке я справа, с перевязанной головой. Очень большой срок отделяет нас от тех счастливых дней, когда стихли выстрелы и появилась возможность провести этот первый мирный митинг. Трудно говорить с уверенностью, что это именно я. Но слева на лбу у солдата с перевязанной головой виден глубокий шрам. Такой же след тяжелого ранения сохранился и у меня.

Рядом стоит солдат, который внимательно слушает выступающего. Это, как мне кажется, Чернов Николай Ильич 1922 года рождения, разведчик-наблюдатель 48-й гвардейской бригады. Коля живет в Москве. Последний раз я его видел 20 лет назад. Храбрый солдат, награжден двумя орденами Красной Звезды и многими медалями, прекрасный и верный товарищ. Это он в декабре 1944 года вынес меня, тяжело раненного, с поля боя и доставил в медсанбат.

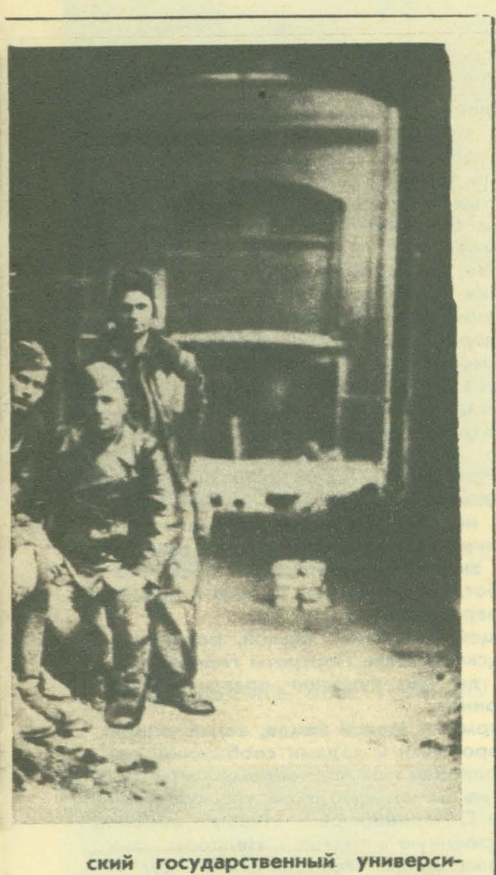
В ночь на 25 апреля старшему сержанту Короткову Михаилу, ефрейтору Конопке Григорию и мне было поручено водрузить знамя нашей бригады над ратушей. На лестнице завязался бой. Нас обстреливали сверху и из дома с противоположной стороны. Григорий был смертельно ранен и скончался до того, как затихли выстрелы. От нашего дивизиона остались только мы с Коротковым. Фаустпатроном меня ранило в голову и колено, пришлось выйти из боя. Мы вывесили знамя в окне второго этажа, а над самой верхушкой ратуши вскоре развевалось знамя другой части.

После войны из-за тяжелых ранений много болел, а затем догнал жизнь. Поступил в Москов-

ОВЕТ ЕНА ?

ский государственный университет, там же закончил аспирантуру и защитил диссертацию. Сейчас работаю в городе Октябрьске Актюбинской области начальником изыскательской экспедиции.

Пользуюсь случаем, чтобы передать через журнал искренний, сердечный привет дорогим моим однополчанам. Отдаю им честь за их мужество, благородство и отвагу.

У меня сохранилось несколько фотографий тех дней. Та, которую вам посылаю, сделана 25 апреля недалеко от центра Берлина. Три офицера в первом ряду — это (слева направо) мой командир Головчанский Георгий из Краснодара, дивизионный врач, лейтенант медицинской службы (фамилию не помню) и начальник разведки Козырев Георгий. Крайний слева в последнем ряду — Яков Бочков из города Боровичи, третий слева — Чернов Николай, с которым я был на митинге.

Л. ОНИЩЕНКО,
кавалер двух орденов Красной Звезды

Актюбинск.

МОЙ ДРУГ ГАРИФУЛИН

Когда смотрю на снимок, мне кажется, я снова в Берлине возле Бранденбургских ворот 2 мая 1945 года. Сколько было радости и гордости в наших сердцах! И сейчас, как и тогда, я перебираю в своей памяти весь пройденный путь от стен Ленинграда до Берлина и Эльбы. Путь этот был очень труден. На фотографии я узнал старшего сержанта Гарифулина. Имя его припомнить не могу. Боевой путь мы с ним начали у Ленинграда, прошли Прибалтику, Белоруссию, Восточную Пруссию, часть Польши и закончили войну в Берлине. Он стоит возле танка у ног комбата. Гарифулин — уроженец Казахской ССР, подробного адреса его не припомню. За бои в Берлине Гарифулин был удостоен звания Героя Советского Союза. Расстались мы с ним в 1946 году.

В. КОВАЛЬЧУК

Днепропетровская область.

ПИСЬМО ОТ ОДНОПОЛЧАНИНА

Спешу поделиться радостью: вчера получил письмо от своего однополчанина и боевого друга Михаила Филимонова, с которым не виделся без малого тридцать лет. Узнал его на фотографии в «Огоньке» (стоит в шинели и пилотке у ног выступающего, смотрит прямо в объектив) и решил написать в газету «Советская Башкирия» — родом Михаил, помню, был из Башкирской АССР. И вот бывший командир моего пулеметного расчета откликнулся. Сейчас ему 57 лет, живет в городе Салавате, работает столяром.

Я дошел от Сталинграда до Берлина в составе 39-й гвардейской стрелковой дивизии 8-й гвардейской армии. В партию вступил в сталинградских боях, был тогда первым номером пулемета «Максим». Дважды ранен, контужен.

В боях на улицах Берлина я командовал взводом крупнокалиберных зенитных пулеметов.

2 мая 1945 года большинство воинов стремились обязательно побывать в рейхстаге, оставить свои подписи на его стенах. Мы с сержантом Филимоновым тоже пошли к рейхстагу и перед Бранденбургскими воротами попали на короткий митинг. Михаилу тогда было 27 лет. Он имел орден Славы, медаль «За отвагу» и еще три медали за освобождение городов. А мне было 22 года, Родина наградила двенадцатью правительственными наградами.

Н. БАРЫШНИКОВ

Кировская область,
поселок Пижанка.

ЖИВЕТ В НАШЕМ СЕЛЕ

Шло очередное заседание нашего клуба на тему «Никто не забыт, ничто не забыто». На этот раз мы готовили звуковое письмо о своей землячке Герое Советского Союза Зое Космодемьянской, о поездке на родину Зои — село Осиновые Гаи. Это письмо предназначалось нашим друзьям из города Казани. Когда речь зашла об участниках войны, один из членов КИДа сказал: «А вы знаете, что в нашем селе живет участник войны, который сфотографирован 2 мая 1945 года в Берлине у Бранденбургских ворот, и фотография эта помещена в «Огоньке»?» Сообщение так взволновало всех, что мы решили немедленно познакомиться с этим человеком.

И вот в воскресный день мы в гостях у Петра Александровича Аверина, бывшего гвардии старшего сержанта, помощника командира взвода управления, прошедшего до Берлина, награжденного орденами Славы 2-й и 3-й степени, медалями «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне». Аверин служил в армии с 1938 по 1940 год, потом демобилизовался по болезни. 8 февраля 1942 года вновь принял присягу на верность Родине. Участвовал в бою под Ельцом, форсировал Одер, Вислу, освобождал Варшаву и Познань. Был четырежды ранен.

На всю жизнь запомнил Петр Александрович форсирование реки Буг. Сильное течение сбивало с ног троих смельчаков, холодная темная вода была по пояс. Но они добрались до того берега и закрепили трос. Весь взвод благополучно переправился через реку. Обо всем этом П. А. Аверин рассказал нам. Сейчас он работает в колхозе имени Ф. Энгельса.

На снимке П. А. Аверин стоит в пилотке возле танка, прямо над ним офицер в плащ-палатке.

Члены Клуба интернациональной дружбы Горельской средней школы Будникова Т., Китанина Н., Бушкова С., Выгузов М., Алдашкин И. (всего 14 фамилий). Фото А. Зубчанинова.

Тамбовская область.

В БОЕВОМ СТРОЮ

Марат САМСОНОВ,
народный художник РСФСР,
подполковник,
художественный руководитель
Студии имени М. Б. Грекова

Походный мольберт, палитра и автомат. Рядом, в боевом единстве, в руках художника-воина. А над ними путеводная, пятиконечная красная звезда — эмблема живописцев, скульпторов, графиков, объединенных в Студию военных художников имени Митрофана Борисовича Грекова. В течение двух первых месяцев этого года она сияла над Центральным выставочным залом Москвы.

«В боевом строю» — так называлась экспозиция, посвященная творчеству баталистов-грековцев. В один из дней выставку посетили руководители партии и правительства.

Товарищи Л. И. Брежнев, А. А. Гречко, В. В. Гришин, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, А. Я. Пельше, Д. С. Полянский, А. Н. Шелепин, П. Н. Демичев, Б. Н. Пономарев, М. С. Соломенцев, Д. Ф. Устинов, В. И. Долгих, И. В. Капитонов, К. Ф. Катушев познакомились с работами студийцев и пожелали им новых больших успехов.

...Художественная летопись Великой Отечественной войны неразрывно связана с именами любимых и популярных мастеров изобразительного искусства — Н. Жукова, Е. Вучетича, А. Горпенко, П. Кривоногова, К. Китайки, И. Евстигнеева, П. Мальцева, В. Богаткина, В. Климашина, П. Баранова, А. Кокорина, Л. Голованова, Н. Соколова, И. Першудчева и многих других грековцев. Своим действенным оружием баталисты помогали воинам крушить врага.

В середине апреля 1942 года состоялась первая «полевая» выставка фронтовых зарисовок. В нескольких километрах от передовой, в полуразбитом здании без стекол висели двести рисунков. Беглые линии набросков воскрешали обстановку боев под Москвой, образы славных защитников столицы. Член Военного совета армии А. А. Лобачев писал, вспоминая то время: «Перед каждым, кто приходил сюда, вставали картины пережитого: разрушенные врагом города и села, фронтовые дороги с разбитой техникой противника. А сколько портретов бойцов и командиров — творцов победы! Надо было видеть, с какой гордостью осматривали рисунки наши бойцы, пришедшие сюда прямо с передовой, как это поднимало их!.. Я не преувеличу, если скажу, что художников у нас приняли, как собратьев по оружию. Сам по себе этот факт — событие большой красоты, вдохновляющего оптимизма: гитлеровские войска ломились в ворота Москвы, отчаянные бои шли за каждый метр земли. И вдруг — художники и живопись.

Да, живопись нашей самоотверженной борьбы, утверждение подвига солдат Советской страны для будущего, для новых поколений!

Известие о прибытии грековцев быстро облетело войска: «Береза! Я — дуб, я — дуб. В наше хозяйство прибыли двенадцать художников... Не понимаешь? Настоящие, из Москвы, с красками. Героев будут писать. Побрейся, в Третьяковке портрет повесят».

Можно ли измерить чувство радости, уверенности, гордости, охватившее бойца, когда он, взяв в руки очередной номер армейской газеты, видел напечатанным свой портрет или картину боя, в котором только что участвовал! Можно ли подсчитать ту силу отдачи, которую вызывали в бойцах рисунки, сделанные в окопах, на передовой, под обстрелом противника! В одном из писем студийца Н. Авакумова есть такие слова: «1943 год, 24 марта. Я рисовал одного из лучших наших снайперов. Рисунок подвигался медленно, так как перед этим я не разгибаясь и без сна проработал около суток... На другой день он опять зашел к нам и, увидев, что я его портрет вырезаю на линолеуме, был поражен тем, как много времени и внимания уделяется его персоне. Долго он наблюдал за моей работой, а потом наклонился и с казахским акцентом сказал: «Когда в бой пойду, не забуду эта штука». Или вот другой случай. Портрет танкиста с изображением его подвига мы дали крупно на первой странице нашей газеты. Рисунок занимал почти половину страницы, и получилось что-то похожее на плакат-листовку. Танкист наклеил газету на танк и повел его в бой, ознаменовав этот день новым подвигом».

Грековцев можно было встретить на разных фронтах — от Новороссийска на Черном море до Петсамо на границе Норвегии. Их мастерской стало огромное поле битвы, оно простерлось от Порт-Артура до Бранденбургских ворот в Берлине. П. Кривоногов — боец кавалерийской части Доватора — передал вихревую, стремительную атаку конницы в сорок первом году в боях за столицу. Он был свидетелем и участником Корсунь-Шевченковской операции, написал два отличных полотна, рассказывающих об этом грандиозном сражении, создал картины, посвященные битве на Курской дуге и подвигам защитников Брестской крепости,— произведения, воспевшие мужество и стойкость советских солдат. Завершила эту огромную работу его знаменитая «Победа» — триумф нашей армии, ее бойцов на ступенях рейхстага.

В глубоком рейде кавалерии по тылам врага принял участие К. Китайка. В боевых походах он сделал ценнейшие зарисовки, которые затем легли в основу многих его картин, в том числе и той, что находится сейчас в Третьяковской галерее. Это «Конный портрет генерал-майора И. В. Тутаринова и полковника М. В. Турчанинова».

В конце 1942 года группа грековцев выехала в район Сталинградской битвы, в расположение легендарной 62-й армии, девизом которой было: «Ни шагу назад, стоять насмерть!»

Ночью, когда переправлялись через Волгу, сообщал в студию И. Лукомский, было светло, как днем. В воздухе висели осветительные ракеты, небо пронизывали снопы трассирующих пуль и снарядов, битва в городе не затихала и ночью.

Встретили художников радушно. Повели в блиндаж, вырытый в крутом берегу Волги, который стал их домом и мастерской на все время обороны. «Поприветствовали» их и немцы, обстреляв из пулеметов. А на следующий день грековцев принял командующий армией генерал В. И. Чуйков. Рассказал о наиболее значительных эпизодах боев, указал участки, где им следовало поработать, дал список бойцов и командиров, которых обязательно просил зарисовать.

В землянках и блиндажах, освещенных одной свечой, рождалась изобразительная хроника Сталинградской битвы. Портреты героев, альбомные зарисовки, этюды донесли до нас суровую правду войны, жизнь фронта, мужество советских воинов.

А в это время под Новороссийском, на Малой земле, вздыбленной фашистскими снарядами, изрытой воронками и ходами сообщений, окруженной минными полями, под непрерывным обстрелом, когда кажется, что никакое живое существо не может двигаться, три художника — П. Кирпичев, Г. Прокопинский и Г. Черенщиков — открыли «фронтовой салон», выставку рисунков, устроенную в траншее. Недаром немцы, пораженные стойкостью советских солдат, говорили, что Малую землю защищали особые войска — какие-то дважды коммунисты.

Грековцы участвовали вместе с моряками в десанте под Керчью, вместе с войсками освобождали Киев, форсировали Днепр, шли полярными тропами войны на Крайнем Севере. Политотдел 10-й гвардейской дивизии отметил смелость и мужество художников при выполнении зарисовок «долины смерти». Здесь был остановлен враг, рвавшийся к Мурманску.

Когда думаешь о работе художников студии на фронтах Великой Отечественной войны, на память приходят слова В. Верещагина: «Дать картины настоящей, неподдельной войны нельзя, глядя на сражение в бинокль, из прекрасного далека. Нужно самому все прочувствовать и проделать, участвовать в атаках, штурмах и победах». Такого правила держались и грековцы.

...Шли бои за освобождение Крыма. Под грохот снарядов М. Домащенко зарисовывал штурм Сапун-горы. Вдруг ему передали: «Командир роты погиб». И старший лейтенант Домащенко повел солдат в атаку.

Два года партизанил в лесах Белоруссии студиец Н. Обрыньба. В его боевой характеристике говорится: «Тов. Обрыньба, будучи в партизанской бригаде Дубова, несмотря на исключительный недостаток красок, сделал очень много картин из бытовой и боевой деятельности партизанской бригады... Тов. Обрыньба не только занимался художественной деятельностью, но проявил себя как смелый и решительный боец во имя освобождения священной белорусской земли от ненавистных немецких оккупантов».

Стремительно на запад продвигалась Советская Армия и вместе с нею грековцы. Осенью 1944 года рисовали в частях и в освобожденных городах Европы, писали портреты людей, с которыми сталкивала походная жизнь. Как-то в ноябре на берегу Тиссы возле венгерского города Сольнок Владимир Богаткин набрасывал вид разрушенного моста. Было холодно, сыро. По дороге бесконечной вереницей, утопая в грязи, шли грузовики с боеприпасами, танки. Между ними мелькали юркие штабные «виллисы». Неожиданно хлынул дождь. Художник пережидал его в полуразрушенном здании. Вдруг по лестнице застучали тяжелые шаги, на балкон с разрушенной балюстрадой поднялся моло-

П. Кривоногов. 1911—1967. НА НИЧЕЙНОЙ ПОЛОСЕ. 1964.

М. Домащенко. Род. 1906. ПОД МОСКВОЙ 1941 г. 1956.

А. Михайлов. Род. 1926.
РОДИМЫЙ ДОМ. 1974.

деньский солдат. Он свернул традиционную «козью ножку» и, жадно затянувшись, спросил:

— Это какая речка, Тисса?

— Тисса,— подтвердил Богаткин.

— Так вот она, Тисса,— облокотясь о перила, задумчиво проговорил паренек.

— А сам-то откуда?

— С Орловщины,— ответил солдат.

— Ну, Орловщина, постой, я тебя нарисую.

— Зачем?

— Для истории.

Рисунок «Так вот она, Тисса» много раз выставлялся и печатался. Советский солдат, стоящий над венгерской рекой, действительно стал историей.

На выставке «В боевом строю» зрители подолгу останавливались у рисунков военных лет. Сделанные во время боя в походном альбоме, блокноте, а то и просто на страничках тетради, они стали документальным свидетельством героизма и мужества советского народа. Некоторые работы на выставке пробиты осколками, но от этого они еще дороже зрителям. Пули не щадили не только искусство. В деревне Сосновка, недалеко от Сухиничей, погиб старшина студии К. Гогиберидзе, были тяжело ранены Н. Беляев и Г. Прокопинский. Позже, в боях за Берлин, серьезные ранения получил П. Глоба.

Работы тех лет дышат правдой войны, они суровы и лаконичны. Острые, проницательные зарисовки Н. Жукова, В. Климашина, А. Кокорина, Г. Храпака, Б. Неменского, П. Караченцова, П. Корецкого, скульптурные монументы и портреты генерал-лейтенанта М. Г. Ефремова, генералов В. И. Чуйкова и И. Д. Черняховского, созданные Е. Вучетичем, его знаменитый памятник воинам Советской Армии, павшим в боях с фашизмом, установленный в Трептов-парке в Берлине,— все, что сделано художниками студии в сороковые годы,— драгоценный исторический материал, к которому часто обращаются молодые художники, писатели, кинематографисты, создающие произведения о Великой Отечественной войне.

Выставка «В боевом строю» была приурочена к сорокалетию студии. В конце 1934 года, после того как внезапно оборвалась жизнь замечательного баталиста Митрофана Борисовича Грекова, в Москве, в кавалерийской дивизии, где еще жили традиции легендарной Конной армии, которую с таким блеском и любовью писал художник, была создана изомастерская его имени. Сначала здесь занимались начинающие, самодеятельные художники-красноармейцы в свободное от военных занятий время. Сейчас студия объединяет только профессиональных художников. В 1965 году за большие заслуги в развитии героико-патриотической темы наш коллектив был награжден орденом Красной Звезды.

Основной темой экспозиции стала Победа и героический путь к ней. Нельзя забыть военное лихолетье, нельзя не воспевать подвиг и самоотверженность народа. Вернуться к событиям тридцатилетней давности, стать как бы участником сражения, почувствовать его напряженность и опасность дают возможность диорамы, созданные грековцами. В специальном зале студии, как на стапелях верфи. Холсты, натянутые на сферически вогнутые подрамники, напоминают стенки огромных барабанов. Их длина — более 60 метров, высота пятиэтажного дома. Сейчас здесь создаются две такие диорамы. Е. Данилевский воссоздает события битвы под Москвой в 1941 году. П. Мальцев и Н. Присекин завершают картину «Форсирование Днепра в районе Переяслав-Хмельницкого в 1943 г.». Еще более сложным по исполнению, но также и более выразительным искусством является панорама. В свое время грековцы помогали восстанавливать «Бородинскую битву» Ф. Рубо, а сейчас готовятся к созданию первой советской панорамы «Разгром немецко-фашистских войск под Сталинградом».

Панорама покажет один из январских дней 1943 года, район Мамаева кургана. Многие героические подвиги, совершенные в разное время на протяжении нескольких месяцев, предстанут как бы сведенными воедино, на одном полотне, длина которого — 120 метров, высота — 16 метров. Уже строится в Волгограде здание, в котором разместится это произведение.

Музы не смеют молчать, пока в мире существует угроза новой войны. Художники студии по-прежнему в боевом строю. Но теперь их задача — показать сегодняшний день Советской Армии, Военно-Морского Флота. Грековцы часто бывают в войсках у танкистов, ракетчиков, связистов, подводников. Новые черты армии, солдат и командиров, владеющих современной техникой, их высокая боевая готовность и романтическое войсковое товарищество — именно это привлекает сейчас внимание художников. Жизнь рождает новые темы. Армейская действительность формирует иной подход к традиционным сюжетам. Военные художники поднимаются в небо в боевых самолетах, участвуют в многодневных походах на подводных лодках, присутствуют на боевых учениях. Они пристально вглядываются в черты современного солдата, чтобы подметить и воплотить то характерное и неповторимое, что присуще армии сегодня. Интересные работы привозят из поездок Г. Севостьянов, А. Интезаров, Ю. Рязанов, В. Дмитриевский, Н. Овечкин. Н. Денисов пишет моряков Краснознаменного Северного флота.

Живописец В. Переяславец был летчиком-испытателем, скульптор Г. Постников — авиационным инженером. Они отлично знают характер летной профессии. И естественно, что их творчество посвящено тем, кто штурмует небо. Авиаторы и космонавты — частые гости их мастерской. Воины-десантники — герои картин молодого студийца Н. Соломина. Подвиги ракетчиков воспевают Ф. Усыпенко и С. Антонов. Об артиллеристах и зенитчиках пишут П. Жигимонт и Г. Марченко.

Мне приходилось бывать на учениях «Юг», видеть, как после пятидневного марша на танках бойцы сразу вступают пусть в учебный, но столь же ответственный, как и настоящий, бой. Их подготовка, знания, самообладание и выдержка восхищают, заставляют нас, художников, работать, не зная покоя, искать выразительные средства, которые могли бы достойно показать защитников Родины.

Мирно небо над Советской страной. Но не все спокойно на планете. То тут, то там вспыхивают огни пожарищ, гибнут люди, горит земля от напалма, танки захватчиков утюжат чужую землю. Мне дважды довелось быть в сражающемся Вьетнаме, в военных подразделениях, сельскохозяйственных кооперативах, шахтах. Помню мост Хам-Жонг через реку Ма, его бесконечные бомбежки. Днем пройти здесь можно было только с риском для жизни: американские самолеты засветло совершали по сто налетов. Мы жили у бойцов, охранявших Хам-Жонг, который считался важнейшей магистралью, и рисовали мост, перекинутый от горы Дракона к горе Жемчужина. Он держался на одной ферме, но все-таки жил. О нем даже возникла красивая, поэтичная легенда. Будто бы Дракон протянул свою стальную челюсть и любуется драгоценной Жемчужиной. А об его стальные зубы разбиваются все вражеские стервятники.

Судьба Хам-Жонга — это почти символ борющегося Вьетнама, истерзанного, но не сломленного, выстоявшего, победившего, заставившего врага отступить. И мы считали своим долгом, долгом советских военных художников отразить героическую борьбу и образы мужественных бойцов этой отважной страны.

В сентябре прошлого года вместе с Н. Бутом и В. Щербаковым мы были на БАМе, в железнодорожных частях, которые участвуют в строительстве Байкало-Амурской магистрали. Непроходимая тайга к востоку от Тынды, кедры, красавицы реки, девственные края. Но работать здесь по силам только гигантским машинам огромной мощности. Управляют ими молодые солдаты, которых и за баранкой-то не видно. Каждый шаг строительства, каждый метр отвоеванной в таких условиях земли — подвиг. Сейчас эти воины-комсомольцы на передовой линии, в боевом строю, как их отцы и деды тридцать с лишним лет назад.

Художники Студии имени М. Б. Грекова, вдохновленные оценкой, которую дали их работе руководители партии и правительства, их дружеским, сердечным напутствием, как все военные люди, с гордостью и боевой готовностью выполнить свой долг отвечают: «Служим Советскому Союзу!»

И О КНИГАХ И О КНИЖНИКАХ

Для кого же секрет, что Москва — один из самых читающих городов мира! Но вот о том, что на одного москвича в среднем приходится 30 прочитанных за год книг, что ежедневно почти 400 тысяч человек бывает в столичных книжных магазинах, о том, наконец, откуда идут истоки московской книжной торговли, знает не всякий...

Об этом-то, как и о многом другом, рассказывает щедрый на интересные детали томик «Московские книжники», написанный С. Е. Поливановским. Эта работа — о книгах и о книжниках; и значит, она и автобиографична, потому что именно Сергей Ерофеевич Поливановский не только признанный знаток книги, но и один из организаторов книжной торговли, человек, вот уже многие годы возглавляющий «Москнигу».

«Прежде чем приступить к повествованию о развитии и становлении в наше, советское время книжной торговли в Москве, я считаю необходимым заглянуть, хотя бы накоротке, в ее прошлое»,— подчеркивает автор и делает это, строя свой рассказ на фактах не только значительных, но и весьма любопытных. Тут и сценки, словно подсмотренные в книжных рядах, что были когда-то у ограды университета и в Охотном ряду, тут и лавка Н. И. Новикова, о которой большой наш историк В. О. Ключевский писал, что она «по спросу ее товара стала соперничать с модными магазинами Кузнецкого моста».

Увлеченно говорит С. Е. Поливановский о двадцатых годах, когда в Советской стране «впервые в истории русской книготорговли была создана государственная организация, призванная нести печатное слово в массы». Впечатляют страницы, знакомящие с сегодняшним днем «Москниги», с тысячами ее энтузиастов, с тем, как создавались такие ныне популярные магазины, какими стали «Дом книги» на Калининском проспекте или «Книжная находка» возле памятника Ивану Федорову.

Но при всей привлекательности книги не лишена она и недостатка. Заключается он в небрежности, допущенной издательством,— второсортная бумага, наспех заверстанные иллюстрации.

К. КОСТИН

С. Е. Поливановский. Московские книжники. М., «Книга», 1974, 160 стр.

Анатолий СОФРОНОВ

ДЕВЯТЬ ДНЕ

ВЕЧЕР В ПАРИЖЕ

В Париже мой далеко еще не старый друг, скептически поглядывая на рекламу кинофильмов, ярким блеском светящуюся на Елисейских полях, сказал:

— Конечно, и в девятнадцатом веке тоже была криминалистика, литература в общем-то всегда насыщена ею, но все же значилась в том веке какая-никакая психология... Возьмите Бальзака, Мопассана... Даже, если хотите, Флобера... Я уже не говорю о Золя.

— Тут мы заезжаем в двадцатый век.

— Эпоха не делится одним рубежным годом... А сейчас что?

— А что сейчас?

— Такие прекрасные актеры, как американец, итальянец по происхождению, Брандо, великолепно снявшийся в «Крестном отце», тут же перекочевывает в общем-то порнографический, какой-то бредовый с псевдопсихологией фильм «Последнее танго в Париже». Из-за чего? Из-за денег, конечно.

— Но это все же далековато друг от друга — Бальзак и «Последнее танго в Париже».

— Далеко-то далеко, да от народа близко. Бальзак забыт, а на зрелища сексуальных психопатов рвутся толпы зрителей. А в итоге — все та же криминалистика... И, конечно, жажда заработка любой ценой... Деньги... Все не просто так... Любой ценой отвлечение от социальных вопросов. И тут же выпускают эстрадные представления, в которых призывают к миру... Но почему-то это надо делать в чем мать родила и все прочее.

— А что прочее?

— Ну, вот... Буду я вам объяснять. Кстати, зарабатывают они на таком «пацифизме» весьма прилично... И опять деньги, любыми способами добытые деньги. Украсть, взять, обмануть ничего не стоит, лишь бы заработать. Все общество впутали в это дело. Даже детей. Хотите, расскажу?

Машина медленно катила по парижским улицам. Париж всегда Париж... Какие бы «танго» ни появлялись на экранах — Франция и Париж остаются самими собой.

— Между прочим, эту маленькую новеллку можете выдавать за подлинный случай.

— Так выдавать или в самом деле подлинный случай?

— Какая вам разница... Было или не было? Главное, что могло быть. Приходит в продовольственную лавку мальчик со скрипкой. Обращается к хозяину лавки с просьбой посмотреть за скрипкой, пока он сбегает по другим делам. Хозяин пожимает плечами — пожалуйста — и кладет ее на прилавок... Через некоторое время в лавке появляется прилично одетый человек за какой-то мелочью. Покупает что ему надо и обращает внимание на скрипку. Хозяин объясняет: заходил мальчик, попросил посмотреть, сам ушел. Мужчина вертит скрипку в руках, пробует струны, тихонько стучит по деке и тихо кладет ее на прилавок со словами: «Да... Как же так... Это же Страдивариус... Ей цены нет... Пятнадцать тысяч франков хотите?» Хозяин лавки начинает заикаться: «Не наша скрипка». «Договоритесь — и пятнадцать тысяч ваши. Зайду через день»,— говорит покупатель и уходит. Появляется мальчик — ему предлагают за скрипку восемь тысяч франков. «Не могу,— отвечает мальчик.— Должен сказать маме». «Ну, скажи»,— говорит хозяин. Мальчик уходит. На другой день появляется «мама», получает восемь тысяч... А покупателя того ждут до сих пор. Как вам нравится новелла?

— Но это же обыкновенное мошенничество!

— А это не мошенничество?— указал мой друг на рекламу нового фильма.— Видите —«Китайцы в Париже»?!

— Фантазия?

— Вроде этого, но снято весьма реалистически... Даже легкомысленное поведение парижанок показано весьма натуралистически. Китайское посольство, конечно, заявило протест... Некоторые газеты напали на фильм. Завязалась перепалка. В результате — прекрасные сборы. Опять деньги. Всюду деньги... Всюду банкноты. Хотите послушать еще новеллу из этой же серии? В маленькое кафе каждый день приходил немолодой и, обращаю ваше внимание, весьма прилично одетый человек. Пил кофе и для оплаты подавал сто франков.

— Без сдачи?

— Нет, совсем наоборот. Именно для того, чтобы получить сдачу. Хозяин каждый раз проверял — по всем данным ассигнации были настоящие. Постепенно владелец кафе и посетитель подружились. Однажды в порыве откровенности посетитель сказал, что деньги эти фальшивые, но как-либо отличить их от настоящих невозможно. К сожалению, посетовал он, делать их приходится на старом станке, поэтому больше одной-двух ассигнаций за день нельзя изготовить. Конечно, если б у него были в наличии десять тысяч франков, он собрал бы такой станок, что можно обогатиться им двоим. Как вы понимаете, он получил от хозяина кафе эти самые десять тысяч. Те же стофранковые купюры были настоящие... Надо ли говорить о том, что посетителя хозяин кафе больше не видел.

— Тоже анекдот?

— Какая разница... Хотите, более крупного мошенника назову? Фамилия его Солженицын. Этот работал да и продолжает работать на самых низменных инстинктах, на антисоветизме, на ненависти к коммунизму. Поэтому те, кому он служит и от кого получает значительно более крупные суммы, чем эти мелкие мошенники, работающие в продуктовых лавках и кафе, также делают вид, что невероятно верят ему, и печатают солженицынскую макулатуру большими тиражами... Я думаю, Солженицын — самый крупный мошенник двадцатого века. Не случайно же он после высылки из Советского Союза первым делом направил свои стопы в Цюрих, в Швейцарский банк, где аккуратно собирались его иудовы доллары... Одни говорят — пять миллионов, другие — шесть. Впрочем, от суммы политическое мошенничество не становится ни больше, ни меньше. А этот мошенник ничем не брезгует... Лишь бы платили.

...Париж затихал. Меркли огни. Перед дорогой хотелось отдохнуть. Утром мы должны были продолжить путь в Испанию.

ВТОРОЙ РАЗ В ИСПАНИЮ

Да, именно второй. Четыре года назад вместе с небольшой группой туристов мы направлялись в Барселону на европейские соревнования по водным видам спорта. На этот раз мы летели на юбилейный конгресс Международной ассоциации спортивной прессы, в спортивном просторечье именуемой АИПС. Нас было трое: главный редактор газеты «Советский спорт» Николай Киселев, ответственный секретарь Федерации спортивной прессы СССР Альберт Лейкин и я. К самому началу конгресса должны были еще подлететь первый заместитель председателя Спорткомитета СССР Виталий Смирнов, спортсмены Людмила Турищева и Александр Рагулин. Когда в Шереметьеве мы сдавали в багаж плотно упакованные, тяжелые пакеты с альбомами, показывающими Москву как возможное место будущих Олимпийских игр, я сказал Лейкину:

— Смотрите, арестуют испанцы альбомы как подрывную литературу.

— Все возможно,— флегматично ответил Лейкин.— Учтя это, двухчастевой фильм о Москве я везу в портфеле.

В самолете мысли невольно обращались к первому посещению Испании летом 1970 года. Помнится, тогда нас если и не ощупывали физически, то, во всяком случае, сверлили глазами в аэропорту. Да и мы также чувствовали себя не наилучшим образом в этой атмосфере подозрительности. Но так было, пожалуй, только на первых порах, а затем и спортивный азарт, и знакомство с красивым приморским городом, встречи с барселонцами, путешествия и по самому городу и его пригородам отодвинули на второй план первое, не очень длительное впечатление, появившееся в аэропорту Барселоны. Особенно трогали встречи, порой молниеносные, с теми, кто подходил к нам, чтобы просто пожать руку и сказать: «Мы рады видеть вас в Испании». И хотя прошло более трех десятилетий с тех драматических дней, когда при активной помощи немецкого фашизма и гитлеризма на этой чудо красивой и мужественной земле победила контрреволюция,— память об этих днях, дело испанских революционеров продолжают жить и по настоящее время.

Для меня Испания началась еще с тех пор, когда я, студент вечернего отделения литературного факультета Ростовского пединститута, увлеченный драматургией Лопе де Вега, перевел, а точней поэтически воспроизвел на русский язык, на мой взгляд, одну из лучших пьес Лопе де Вега, драму «Периваньес и командор из Оканьи». Вовлекла меня в этот нелегкий труд Наталья Петровна Переплетчикова, преподававшая у нас на факультете западную литературу. Наталья Петровна отлично знала испанский язык, боготворила Лопе де Вега и прямо с листа читала мне вдохновенные поэтические монологи испанского крестьянина Периваньеса, вместе со своей женой решившего проучить командора из Оканьи, не в меру ретиво устремившего свои вожделения к простой крестьянке. Симпатии драматурга были на стороне крестьянской четы. Командор при попытке ночного свидания, как и полагается, был посрамлен. Наш перевод пьесы был напечатан еще до войны в альманахе «Литературный Ростов», но на сцене не появился. Помнится, я знакомил тогда с пьесой переехавших на работу в Ростов актеров театра, которым руководил Юрий Александрович Завадский, про себя думая о том, что Николай Дмитриевич Мордвинов и Вера Петровна Марецкая могли бы блестяще сыграть центральные роли в этой искрометной пьесе испанского драматурга. Правда, была пьеса не столь остросоциальной, как знаменитый «Овечий источник», но все равно привлекала поэтически написанными образами крестьянского быта, жизнелюбием и щедростью крестьянских характеров.

Конечно, пьеса Лопе де Вега уступала шекспировской «Укрощение строптивой», которая в постановке Ю. А. Завадского появилась тогда на ростовской сцене, где Петруччио был Мордвинов, а Марецкая — Катарина. Кстати, лучших исполнителей в этой комедии с тех пор я больше не встречал.

...Все это невольно вспоминалось и в самолете, когда мы летели

Й ОКОЛО МАЛАГИ

курсом на Барселону, и в ней самой, может, особенно в Мадриде и Толедо, где мы оказались уже как обычные туристы перед тем, как снова через Париж вернуться в Москву.

Именно в Мадриде, любуясь памятником вечному Сервантесу, и особенно в Национальной картинной галерее Прадо можно было еще и еще раз почувствовать бессмертие испанской литературы и искусства.

Мы привыкли применять выражение «эзопов язык», представляя себе некоего хитрого человека, говорящего не прямо, а косвенно, чтоб не сразу догадывались, но все же догадывались. Но не очень, чтобы придраться и взыскать было нельзя. По-разному, конечно, это понятие воспринимается. Но когда в музее Прадо вы входите в зал Веласкеса и видите старца, стоящего во весь рост, одетого в рубище, то и само понятие эзопового языка приобретает, я бы сказал, скорей страдательный смысл, чем нападающий. И в то же время — нападающий. Тут и вспомнишь Илью Ефимовича Репина, в свое время проведшего в этом зале не один и не два часа. А залы Гойи? А Эль Греко и в Мадриде и в Толедо? Гений народа всегда выражается в творчестве его наиболее талантливых художников.

...Самолет приближался к Малаге, и мы, прорвав мрачные, серые тучи, вдруг увидели с одной стороны такие же, как тучи, пологие холмы и у их подножий много новых домов. Однажды я испытал такое чувство, когда, возвращаясь из Чили, мы пошли на посадку в Панаме. Только холмы там были более зеленые.

Буднично вышли мы из самолета, мгновенно прошли паспортный контроль и остановились возле таможенников, ожидая багаж, смутно предчувствуя, что на наших подарочных альбомах мы споткнемся.

Таможенник внимательно посмотрел содержимое чемоданов и портфелей, а затем ткнул в первый пакет.

— Покажите,— сказал он.

— Там альбомы,— невозмутимо проговорил Лейкин.

— Покажите,— нетерпеливо пробурчал таможенник.

Лейкин послушно надорвал плотную бумагу пакета и вытащил альбом. На обложке его виднелся Кремль. Мы с любопытством смотрели, что будет дальше.

— Это для чего?

— Подарки участникам конгресса.

Таможенник молча показал рукой на стойку, за которой сидел полный человек в погонах.

Носильщик покатил пакеты к стойке.

Человек в погонах перелистал альбом. Радости у него на лице мы не обнаружили.

— Придется оставить здесь,— сказал он.

— Пожалуйста,— проговорил Лейкин.— А мы свободны?

— Да, вы свободны,— промолвил человек в погонах.— Не беспокойтесь, все будет доставлено в отель.

— Благодарим,— учтиво сказал Лейкин, и мы направились к выходу.

— Я думаю, все будет в порядке,— заметил Киселев, выходя из здания аэропорта.

— Во всяком случае, забота о доставке пакетов теперь лежит не на нас,— с некоторым облегчением сказал Лейкин, когда мы забрались в машину.— Мы едем в Малагу?— спросил он шофера.

— Нет. В Торремолинас.

Машина мчалась в противоположную от Малаги сторону.

ЗЕЛЕНЫЙ АВТОМОБИЛЬ С ФАЛЬШИВЫМ НОМЕРОМ

До того, как должен был открыться юбилейный конгресс АИПС, предстояло еще заседание Исполкома этой организации. В заседании Исполкома обязаны были участвовать Николай Киселев и Альберт Лейкин. Мне же предоставлялась полная свобода любоваться весенними средиземноморскими пейзажами, чтение и окончательное излечение от гриппа, с остатками которого я вылетел из Москвы. Как-то странно чувствуешь себя, когда нечего делать. И все же для разнообразия это не так уж и плохо. С такими мыслями я вышел из номера отеля и спустился в вестибюль в тот самый момент, когда черноволосый, небольшого роста человек приглашал всех в автобус. Это был председатель Оргкомитета конгресса, испанец Лоретти. Еще не зная, куда направляемся, я занял место у окошка автобуса. Это было первое знакомство с небольшим курортным городком, где должен был состояться конгресс, посвященный 50-летию нашей организации. Направлялись мы в палаццо «Мадрид».

Вслед за Лоретти мы ходили по зданию, про себя отмечая удобное расположение залов заседаний, больших фойе и красивых пейзажей, открывавшихся с широких балконов дворца. У входа в зал служащие развешивали привезенную нами фотовыставку о советском спорте. Заметим с удовольствием, что к концу конгресса все фотографии были сняты с витрин журналистами. Многие из них просили оставить автографы на снимках. Меня почему-то просили обязательно расписаться на фото, где был заснят штангист Василий Алексеев.

К нам была прикреплена маленькая, хрупкая женщина Мэри-Кармен, начинавшая изучать русский язык. Она сообщила, что выступления на конгрессе будут переводиться на английский, французский, испанский и русский языки.

Шел второй день нашей жизни в Торремолинасе. Вернувшись в отель, мы спросили о судьбе изъятых у нас на аэродроме альбомов.

— Мы уверены, все будет в порядке,— ответили нам в офисе.

Ну что ж, в порядке так в порядке. Но где-то про себя мы все же отметили некое детективное начало нашего появления в Малаге. Впрочем, до начала конгресса оставалось еще два дня, можно было еще хранить спокойствие. И все же нас интересовало, как отнесутся испанские таможенники к прекрасно исполненным снимкам Москвы, собранным под переплетом образцово изданного альбома.

— А как фильм? — спросил я Лейкина.

— В порядке,— невозмутимо ответил Лейкин.

— А точнее?

— В портфеле.

— А киноаппаратура действует?

— Должна действовать.

— А лента подходит?

— Должна подойти.

Можно было позавидовать спокойствию ответственного секретаря нашей федерации.

«Криминальное» начало имело некоторое основание.

Малагская газета «Сур» сообщала о происшествиях, которые были зарегистрированы полицией в эти дни. Один из заголовков газеты гласил: «Задержаны двое опасных бандитов». Под ним сообщалось, что вооруженное нападение, совершенное несколько дней назад на одну дискотеку в Марбелье, привело полицию к выводу, что за этим преступлением скрывается нечто больше, нежели простое ограбление. Будучи задержанным полицией, Мигель Уэртас, двадцати одного года, уроженец Мадрида, непосредственный зачинщик вооруженного налета, назвал в качестве своих сообщников работников дискотеки: швейцара, восемнадцатилетнего Диего Ортега, и администратора, сорокалетнего Хулиана Сиес. Мигель Уэртас — вор-рецидивист, и, арестовав его, полиция смогла сделать вывод, что он наверняка действовал не один и даже стоял во главе банды, готовой совершить ряд заранее запланированных ограблений. Диего Ортега также руководил грабежом дачного поселка, когда воры украли деньги на сумму свыше ста тысяч песет и наиболее ценные вещи дачников. По показаниям троих задержанных участников шайки, ограбившей дискотеку, были арестованы еще двое опасных преступников, находившихся с ними в тесном контакте.

Это Антонио Рамос, двадцати пяти лет, и Хуан Рубью, девятнадцати лет, оба по профессии официанты. Эти двое были активными участниками многочисленных случаев ограблений телефонных будок. Было окончательно установлено, что именно они виновники анонимных телефонных звонков португальскому подданному Либанио де Серра, которому они угрожали смертью, а также тем, что они ограбят и подожгут его дом, где он жил, если он не передаст им два миллиона песет.

Тут было все ясно: ограбили воришки дискотеку не очень квалифицированно и довольно быстро попались в руки полиции. Другое дело оказалось серьезней.

Накануне в полдень было совершено вооруженное ограбление местного отделения Испанского кредитного банка. Украден один миллион триста десять тысяч песет. Это было уже третье подобное ограбление в Малаге, если вспомнить, как сообщила газета, что в прошлом году два банковских учреждения стали объектами преступных действий.

...Известие об ограблении быстро дошло до полиции. Уже через пятнадцать минут специальная группа по расследованию преступлений бросилась на поиски преступников.

Постепенно выяснялись некоторые подробности.

В полдень в отделение банка проникли трое неизвестных. Появились директор, кассир, двое служащих и какой-то клиент, который, как и остальные присутствующие, дрожал от страха.

Первое, что полиция пыталась установить в процессе расследования: кто смог бы рассказать что-нибудь о том, как вошли и вышли преступники? Свидетель нашелся. Им оказался юноша Хосе Гутьеррес, который отправился в банк, чтобы внести на свой счет очередной денежный взнос. Неожиданно у входа в отделение к нему подошел один из преступников и сказал: «Давай заходи вовнутрь и выполняй все, что мы тебе прикажем».

Дальше все шло, как в нормальном детективе. Директора и служащих под дулом пистолетов поставили лицом к стенке с руками за головой, предупредив, чтобы они не двигались и не кричали и что с ними ничего не случится только в том случае, если они будут слушаться. Затем они заставили кассира открыть сейфы, вытащили оттуда пачки денег и швырнули их в мешок. Перед тем как исчезнуть, налетчики заставили служащих и юного клиента лечь на пол лицом вниз. Напосле-

док один из бандитов выстрелил в телефонный аппарат, чтобы никто после их ухода не смог сразу же вызвать полицию.

Как ни быстро обернулись бандиты, ограбив банк, еще стремительнее было их бегство. Согласно описаниям свидетелей, трое преступников молоды и один из них несколько полноват, их возраст колеблется от двадцати до двадцати пяти лет. По их словам, отличительные черты грабителей были следующие: один одет во все голубое, другой носил куртку, третий — пастушьи штаны. Тот, кто был в очках, старался прикрыть лицо воротом свитера, другой, предполагаемый главарь налетчиков, — платком.

Как полагают, преступники сели в автомобиль зеленого цвета, украденный заранее и стоявший неподалеку от банка. Неизвестным осталось — был ли в машине еще четвертый, их сообщник. Полиция высказала мнение, что номер, возможно, бандиты заменят по пути, чтобы сбить ее со следа.

...Что называется — конец первой серии. А дальше печальная неизвестность. Налетчики, видимо, основательно сбили полицию со следа, так как в ближайшие дни никаких сообщений о поимке налетчиков мы в газетах не обнаружили. Происшествий было много, но не по поводу ограблений банка и зеленого автомобиля с фальшивым номером.

Один полицейский заявил, что у него была украдена немецкая овчарка по кличке Харвей, которая в прошлом году помогла задержать 366 преступников. Собака была украдена из машины полицейского, и он опасался за вора. Дело в том, что собака была очень злой. Недавно она так искусала одного вора, что того вместо полицейского участка вынуждены были отправить в больницу.

Сообщалось также о том, что к двадцати двум годам тюрьмы и выплате возмещения в размере 1,5 миллиона песет наследникам жертвы приговорена женщина, убившая собственного мужа. В одну из ночей, дождавшись, когда муж уснет, она нанесла ему двадцать ножевых ран, в результате чего тот скончался. Нож она купила заранее. Сообщалась также стоимость ножа. Он обошелся ей в 325 песет...

И еще сообщение о том, что без каких-либо признаков жизни в номере, который она занимала в гостинице, была найдена гражданка ФРГ Авемария Каут, сорока трех лет, умершая от принятия большого количества наркотиков.

...Полюбовавшись багряным солнцем, качавшимся на бурных волнах Средиземного моря, я не торопясь возвращался к отелю, стоявшему чуть на взгорье. Было малолюдно на улицах этого городка. О чем-то не торопясь разговаривали между собой коноводы, охаживая ладошками оседланных коней, услужливо приготовленных для туристов. Но туристов еще почти не было. Кони и их поводыри располагались возле небольших домиков, под ветвями деревьев с так и не облетевшими за зиму листьями. А совсем возле отеля, сбоку дороги, по которой на бешеной скорости пролетали легковые автомашины, возле огромного строящегося здания стоял одиноко серый, тощий ишачок. На стройке уже никто не работал, все ушли, а ишачок стоял неподвижно, словно изваянный из серого камня и поставленный здесь навсегда, как напоминание, что есть еще и другая, крестьянская Испания.

Взяв у портье ключ от номера, я направился к лифту. Человек в темно-синем рабочем комбинезоне грузил в этот момент тяжелые пакеты в кабину лифта. Увидев меня, он заулыбался:

— Россия — хорошо!

Подбежала почти невесомая Мэри-Кармен и воскликнула:

— О'кей, мистер Софронов!

— О'кей, Мэри.

На третьем этаже лифт остановился. Грузчик вытащил осторожно пакет за пакетом и, еще раз улыбнувшись, понес пакеты туда, куда и надлежало,— в номер Альберта Лейкина. Моих друзей все еще не было. Исполком АИПС все еще заседал. Я включил телевизор. С голубого экрана один за другим потекли кадры. Розыгрыш футбольного первенства. Безумные лица болельщиков. Соревнования школьников по легкой атлетике. Прилет американских промышленников. Интервью с уехавшим из Советского Союза бледным молодым человеком по фамилии Литвинов. Концерт американского джаза с негром-пианистом, истекающим от напряжения потом... Последние события на фронте энергетического кризиса... И еще что-то. И еще... Только ничего нового о зеленом автомобиле с фальшивым номером.

На улицах Торремолинаса.

ИСПАНИЯ В ТЕ ДНИ

График работы международных организаций порой зависит от внутреннего положения в той или иной стране. Надо сказать, что Испания в те дни, когда мы приземлялись на аэродроме Малаги, не являлась спокойной, безмятежной страной. Впрочем, этой безмятежности у нее не было и все последние десятилетия. За два с небольшим месяца до нашего прилета был убит взрывом бомбы премьер-министр Испании Луис Карреро Бланко. Убийство было отнесено на счет группы людей, которых в официальных кругах Мадрида назвали «баскскими сепаратистами». Впрочем, сами они через несколько часов после смерти Карреро Бланко заявили во Франции журналистам, что убийство организовали они.

Через месяц после нашего отъезда из Малаги в Испании вышли и нарасхват раскупались две книги об убийстве Карреро Бланко.

Первая книга, «Кризис», написанная бывшим пресс-атташе премьер-министра Карреро Бланко Хоакином Бардавио, поступила в продажу в первую неделю апреля, за несколько дней до выхода в свет второй книги — «День, когда они убили Карреро Бланко» — писателя Рафаэля Борраса Бетриу, написанной им в сотрудничестве с двумя профессорами Барселонского университета.

Вскоре вышли и другие книги, посвященные делу Карреро.

В издательских кругах тогда отмечали, что спрос на эти книги был довольно высок. Впрочем, это не удивительно, так как, пожалуй, смерть Карреро была самым крупным политическим убийством за 35 лет режима Франко. Оно до сих пор окружено тайной.

Как заявили в правительстве, помощник Франко Карреро был убит группой молодых басков, действовавших по плану, для разработки которого потребовалось несколько месяцев, для подготовки — несколько недель, а для выполнения — доля секунды.

Впрочем, ни одна из двух вышеупомянутых книг не сообщала никаких дополнительных подробностей, помимо уже известных подробностей взрыва 20 декабря. Ни в одной из них не были отражены распространявшиеся в Мадриде слухи о том, что баскские эмигранты, названные правительством, не могли быть истинными убийцами. Ни в одной не говорилось о роли вооруженных сил, которые, по сообщениям, опубликованным за пределами Испании, фактически контролировали страну в течение одного или двух бурных дней, пока не стало ясно, что это убийство было изолированным событием и что положение в Испании остается спокойным.

Сообщив Франко о смерти Карреро, писал автор книги «Кризис», кабинет заседал в течение 45 минут в кабинете Карреро. В самый разгар заседания исполнявший обязанности премьера Торкуато Фернандес Миранда вновь беседовал по телефону с Франко.

Фернандес, говорится в книге, повернулся к министрам и сказал: «Каудильо считает, что сведения, полученные до сих пор, неубедительны. Мы должны подождать доказательств».

В книге «Кризис» указывается также, что вдова Карреро, увидев тело мужа в мадридской больнице, взяла со своих детей клятву никогда не искать мести, но лишь справедливости.

«Убийца!» — кричали правые экстремисты либеральному в вопросах политики кардиналу Таранкону во время прохождения похоронной процессии по Мадриду, и несколько официальных деятелей, включая папского нунция Луиджи Дадальо, защищали Таранкона от нападения.

Трудно, конечно, связывать одно с другим, но так или иначе, весь девятидневный период нашей жизни в маленьком городке возле Малаги мы не слишком ощущали приливы симпатии и внимания со стороны тех, кому положено было принимать нас, и особенно со стороны сеньора Лоретти.

Естественно, что в ту пору в стране усилились репрессии против прогрессивных элементов.

Правительство признало Марселино Камачо и восемь других человек виновными в принадлежности к коммунистической организации в ходе процесса, который привлек к себе внимание международной общественности.

Суд начался в тот день, когда в Мадриде был убит Карреро Бланко.

Профсоюзный лидер Марселино Камачо был приговорен к 20 годам тюрьмы за «принадлежность к незаконным организациям».

Лишенные возможности непосредственного общения с жителями страны, мы черпали информацию из газет, выходивших в Малаге.

«Хлеба, хлеба» — с таким заголовком вышла газета «Сур».

«В теме трудовых отношений есть старая проблема, которая не получила еще своего решения и непосредственно касается нашего города и провинции. Мы имеем в виду трудности при устройстве на работу трудящихся старше сорока лет. Несколько дней назад мы получили одно письмо от рабочего. «Я в отчаянии,— писал он,— сколько я ни ищу работу, ничего не могу найти. Я просто не знаю, что делать, а мне ведь нужно содержать свою семью».

Эта проблема, несомненно, затрагивает всю страну. Недавно исполком профсоюзов обратился с призывом к предпринимателям провинции Барселона, чтобы они содействовали приему на работу трудящихся, возраст которых превышает сорок лет. Это проблема первостепенного значения, которая требует к себе самого пристального внимания и срочного вмешательства со стороны общества. Для того, чтобы она нашла должное решение, необходимо сотрудничество предпринимателей в том смысле, чтобы не было дискриминации трудящихся при приеме на работу из-за возраста. Кроме того, трудящийся, уже перешагнувший порог 40 лет, полон сил и справляется с работой не хуже, чем более молодые люди».

В эти же дни из различных учебных заведений Малаги сообщили, что большинство студентов со вчерашнего вечера не посещают занятий в знак протеста против закона о принципах приема на различные факультеты и отделения университета.

Создавалось впечатление, что забастовка, которая неизвестно когда кончится, является всеобщей.

Студенты различных факультетов в Мадриде многочисленными группами вышли из района Эхидо, прошли по ряду улиц и достигли центра Мадрида, где они были рассеяны полицией.

В предместье Торремолинаса.

«В Испании 800 тысяч детей не посещают школу»,— об этом сообщил Франсиско Гальеро Мартин, преподаватель центра по совершенствованию профессионального мастерства при отделении по подготовке преподавателей для системы среднего образования университета Малаги. На одной из конференций он коснулся двух тем: «проблемы бесплатного образования» и «некомпетентности преподавателей». Он заявил, что государство должно гарантировать бесплатное образование для всех испанских детей без какой бы то ни было дискриминации, что позволит дать общее образование на соответствующем уровне детям всех возрастов и затем через школу осуществить их социальную интеграцию.

Для этого, по его словам, нужны огромные средства, которыми государство в настоящее время не располагает, однако их удалось бы получить благодаря проведению справедливой и эффективной налоговой реформы, которую, в частности, предусматривал проект Общего закона об образовании. В нем указывалось, что слои населения, получающие наибольшие доходы, должны сделать особый вклад в развитие системы образования с тем, чтобы оно стало бесплатным и всеобщим.

Однако эти конкретные практические меры были исключены из текста и урезаны финансовой комиссией кортесов и теперь вместо них в законе фигурирует общее положение благонамеренного характера: «Государство будет выделять, отдавая определенное предпочтение, финансовые средства на развитие системы образования с целью полного и эффективного выполнения настоящего закона...»

«Мы считаем, что в данном случае был упущен момент для демократизации системы образования, для создания базы общего прогресса страны и социальной справедливости. Поэтому,— продолжал Гальеро,— государство не должно выделять субсидий частным учебным заведениям до тех пор, пока министерство образования не сделает возможным посещение школы для 800 тысяч испанских детей, для которых нет соответствующих мест, построив необходимые помещения».

Гальеро Мартин коснулся также присутствия в системе образования лиц, у которых нет соответствующих документов, дающих им право на преподавательскую работу. Это явление особенно характерно для частных учебных заведений, причем, от «мошенничества» такого рода страдают не только родители, но и дети. Кроме того, некоторые из частных учебных заведений прибегают к практике взимания платы, которая противоречит закону...

Много проблем, много тревожных проблем выдвигала жизнь в эти дни в Испании.

Профессор-психиатр Алонсо Фернандес в газете «Соль де Эспанья» заявил:

«Десять процентов испанцев старше 19 лет алкоголики. Алкоголизм получил свое распространение не только среди мужчин, но и среди женщин. Одиночество в обществе заставляет людей искать выход. В последнее время появились группы молодых наркоманов как следствие недовольства молодежи навязываемой им социально-культурной структурой, в которой отсутствует искренность, свобода, общительность».

Алонсо Фернандес выразил свой протест против допуска в Испанию, особенно в андалузские земли, наркоманов из Соединенных Штатов, которые, как он выразился, завезли заразную болезнь, наносящую серьезный вред здоровью страны. Он решительно высказался против возможного узаконивания марихуаны и других подобных наркотиков.

И тут же частности.

Автобус, который ходит по маршруту Санта-Колома — Барселона, был подожжен этой ночью, когда проезжал через селение Сан-Адриан. Это было сделано в знак протеста против повышения платы за проезд.

Примерно в восемь часов, когда автобус показался на шоссе, группа лиц, численностью примерно в 50 человек, блокировала дорогу и вынудила шофера остановить автобус в месте, известном под названием «Лос Лавадерос».

Вынудив всех пассажиров и персонал покинуть автобус, эти люди облили его бензином и подожгли. Затем участники этой акции бросились бежать.

Столько событий, столько информации почерпнул я за то время, когда мои товарищи трудились на заседаниях Исполкома ассоциации! Информации самой разной. Кроме одной: что же случилось с зеленым автомобилем? Нашли ли налетчиков, ограбивших банк? Но ничего нового по этому поводу газеты не сообщали. И вдруг заголовок: «Найден автомобиль налетчиков, совершивших нападение на банк».

«Следственная бригада уголовной полиции обнаружила автомобиль, которым пользовались налетчики, совершившие нападение на отделение Испанского кредитного банка. Бандитов было трое. Все они были вооружены пистолетами. Перед тем как покинуть помещение, где они изъяли 1,5 миллиона песет, бандиты выстрелили в воздух, чтобы запугать присутствовавших».

Это мы уже все читали раньше. Но посмотрим, что было дальше.

«Хотя вначале на основе показаний свидетелей считалось, что бандиты скрылись на машине зеленого цвета марки «Сеат-850», сейчас установлено, что в данном случае была использована машина марки «Сеат-1430», белого цвета. Ее после длительных поисков нашли покинутой в районе Лус, сравнительно недалеко от места преступления.

Преступники использовали номера города Сарагосы, которые они сняли с другой машины в курортном местечке Кармен.

В машине полиция не нашла никаких предметов, с помощью которых можно было бы установить личность преступников, тем не менее специалисты из дактилоскопической лаборатории обследуют ее, стремясь найти какие-либо следы.

Ведутся поиски двух других лиц, которых также видели в то утро вблизи отделения банка, причем их приметы почти полностью совпадают с внешностью преступников, которую описали служащие банка».

Опять, как говорят, печальная неизвестность. Неужели мы так и покинем Испанию, ничего не узнав о поимке налетчиков?!

Окончание следует.

С. МАШИНСКИЙ

НА ПЕРЕДНЕМ КРАЕ Л

1

Когда хотят сказать о современном уровне советского литературоведения и его серьезных достижениях, одним из первых называют это замечательное и по-своему уникальное издание — «Литературное наследство». Годы идут. Многое меняется в наших оценках и нашем восприятии различных литературных явлений... Но неизменна мера нашего уважения к этому изданию, существующему на белом свете вот уже скоро сорок пять лет и равного которому нет в мире.

Среди великих свершений Октябрьской революции есть одно, о котором вспоминают сравнительно редко, а оно между тем имело колоссальное значение для судеб советской культуры. Революция распахнула сейфы секретных жандармских, цензурных и разных других правительственных архивов и сделала достоянием общества такие материалы, историческую и художественную ценность которых не могло представить себе никакое, даже самое пылкое воображение.

В этих сейфах были в разные времена погребены запрещенные к печати рукописи сочинений Радищева и Рылеева, Пушкина и Лермонтова, Гоголя и Щедрина, Некрасова и Толстого. Художественные и публицистические произведения, письма, различные документы, характеризующие жизнь и творчество великих писателей,— все это надо было извлечь из небытия, описать, систематизировать и сделать доступным для исследователей. Такая задача была поставлена перед советскими архивохранилищами.

Архив — это учреждение чрезвычайно своеобразное. Войдя в него, никогда не знаешь, что там тебя ожидает. Когда исследователь переступает порог архива — время для него как бы останавливается. Чтобы прочитать страницу иной рукописи, требуются многие часы напряженнейшего труда. А сколько усилий надо потратить, чтобы найти эту единственную нужную страницу! Старательные, упорные поиски необходимого материала отнюдь не всегда венчаются успехом. Иногда помогает случай, счастливая удача. Но архив — океан. Чтобы в нем не утонуть, надо обладать большими знаниями и опытом. А еще — чутьем, интуицией.

Но найти новые материалы — полдела. Надо еще суметь обратить их в достояние читателя. Мы знаем немало печальных примеров того, как ценнейшие архивные документы обесценивались потому, что они попадали в руки людей, далеких от науки, публиковались неумело, дилетантски, с грубейшими нарушениями необходимых текстологических условий.

На протяжении многих десятилетий, вплоть до самой Октябрьской революции, выходили три публикаторских журнала — «Русский архив», «Русская старина» и «Исторический вестник». На их страницах нередко появлялись серьезные и важные материалы. Но сколько же ошибок и разных неисправностей бывало в этих публикациях! Как часто в них важное перемежалось с пустяком, достоверное — с фантастическим! Сколько сенсационных «открытий», появлявшихся на страницах этих изданий, впоследствии оказывались просто подделками, мистификациями! Можно было бы вспомнить, например, знаменитую историю с публикацией неизвестных глав второго тома «Мертвых душ» в «Русской старине». «Сенсация века» обернулась величайшим конфузом. Редакция стала жертвой двух мистификаторов.

И дело даже не в отдельных ошибках, от которых в конце концов не может быть гарантировано ни одно издание. Публикация архивных материалов до революции, по существу, была лишена серьезной научной основы.

В 1931 году вышел первый том «Литнаследства». И сразу же оно заявило о себе как о совершенно новом типе издания. Публикаторская работа впервые стала подлинной наукой.

2

Публикация художественных, публицистических и документальных текстов — чрезвычайно сложная и ответственная область исследовательской работы. Советская текстологическая школа давно получила мировое признание. И в этом также немалая заслуга «Литнаследства». У нас, например, разработана стройная и целостная система публикации текстов классиков, которую применительно к разным типам изданий все обязаны строго соблюдать. Главное в этой системе требование: никакого произвола в обращении с авторским текстом, никакого вмешательства в него. Общеизвестно замечание Пушкина: «Всякая строчка великого писателя становится драгоценной для потомства». Задача, однако, в том, чтобы эта строчка была донесена до потомства совершенно точно.

Что касается текстов, появляющихся на страницах «Литнаследства», можно всегда быть уверенным, что они абсолютно надежны, достоверны. Все материалы печатаются здесь по автографам или в редких случаях — по авторитетным копиям. А иногда публикация копии приобретает и самостоятельный научный интерес.

Как известно, оригинал знаменитого Зальцбруннского письма Белинского к Гоголю не сохранился. Текст этого важнейшего литературно-политического документа печатался по разным источникам, порой — малодостоверным. Редакция «Литнаследства» предприняла специальные розыски в архивохранилищах Москвы и Ленинграда, увенчавшиеся неожиданными результатами: было обнаружено шестнадцать прежде неизвестных рукописных копий письма, принадлежавших близким друзьям великого критика — Кетчеру и Анненкову и декабристу Оболенскому, петрашевцу Момбелли и т. д. Возникла заманчивая мысль: исследовать и сопоставить все эти копии и на их основе попытаться воссоздать текст, наиболее близкий к утраченному оригиналу. Эта сложнейшая, почти ювелирная работа была выполнена на страницах «Литературного наследства» (т. 56). И с тех пор мы имеем вполне надежный текст одного из лучших произведений русской бесцензурной демократической печати.

Характерная черта «Литнаследства»: в каждой книге читателю предлагаются не случайные и разрозненные документы. Исчерпывающий в пределах человеческих возможностей охват материалов, подчиненных определенной теме и идее,— вот к чему стремится редакция. И поэтому каждый том этого издания имеет почти всегда свою собственную, определенную структуру. В процессе подготовки очередного тома производится фронтальное обследование всех доступных архивохранилищ, а также частных коллекций. «Литнаследство» знает, где что лежит, знает, где нужно искать. И редко обманывается в своих ожиданиях.

После Октябрьской революции известная часть русских архивных материалов оказалась за границей. Некоторые из них уже осели в государственных архивохранилищах, а иные продолжают находиться в руках частных лиц, становясь порой предметом спекулятивных сделок. Большая заслуга «Литнаследства» состоит в том, что география его поисков архивных материалов давно вышла за пределы нашей страны. Редакция имеет обширные контакты с архивохранилищами Европы и Америки, со многими частными зарубежными коллекционерами. О том, какими результатами венчались эти контакты, можно судить по таким замечательным томам «Литнаследства», как «Гете», «Русская культура и Франция», «Герцен в заграничных коллекциях», «Горький и Леонид Андреев», «Из парижского архива И. С. Тургенева».

Плодотворная страница истории «Литнаследства» связана с изучением международных связей русской литературы. Особое значение имели уже упоминавшиеся гетевский том и трехтомник, посвященный русско-французским культурным отношениям. Публикация неизвестных материалов Гете, Вольтера, Руссо, Шатобриана, Гюго, Беранже, мадам де Сталь, Золя, Жорж Санд, донесений русского посла в Париже Симолина, содержащих интереснейшие свидетельства для характеристики отношения русского правительства к революционным событиям во Франции конца XVIII в., как всегда, сочеталась здесь с серьезными, можно сказать, капитальными исследованиями. Достаточно сказать, что одна только работа С. Дурылина «Русские писатели у Гете в Веймаре» содержала в себе около тридцати авторских листов, а работа Л. Гроссмана «Бальзак в России» — более пятнадцати листов.

Итак, исчерпывающий охват материалов. Это придает каждому выпуску или циклу книг «Литнаследства», посвященных тому или иному писателю, значение определенной вехи в истории его изучения. Так было с трехтомниками, посвященными Белинскому (1948—1951), декабристам (1954—1956), Некрасову (1946—1949), так было с первыми двумя герценовскими томами (1941), а позднее с новым четырехтомником, посвященным Герцену и Огареву (1953—1958), и т. д. Выпуск в свет очередного тома «Литнаследства» означает, что архивные материалы по данному писателю исчерпаны. Проходят годы. Открываются и постепенно накапливаются новые документы. И тогда возникает возможность снова вернуться к тому же писателю. Например, в 1939 году были изданы два толстовских тома, существенно обогативших наши представления о творчестве великого художника. Но вот в 1961 году выходят еще два тома о том же писателе, а четыре года спустя — снова двухтомник: «Лев Толстой и зарубежный мир». Каждое из этих изданий означало крутой взлет наших познаний о Толстом на новую, более высокую ступень.

Но «Литературное наследство» — это не только безукоризненно точная публикация новых архивных документов, но и высокий уровень научного осмысления этих документов. Возможно, не все представляют себе, как трудно бывает прокомментировать ту или иную публикацию. История создания данного произведения, уточнение обстоятельств, вызвавших появление письма или заметки, прояснение содержащихся в них исторических реалий, расшифровка не вполне понятных современному читателю намеков, изучение характера взаимоотношений между корреспондентами и многое, многое другое — такой научный комментарий превращается подчас в серьезное историко-литературное исследование, требующее от автора громадных знаний. К этой работе привлекаются самые квалифицированные кадры. Вообще сотрудничать в «Литнаследстве» считается большой честью для каждого ученого, ибо это самая высокая в нашей стране научная трибуна в области литературоведения. Начиная с Луначарского на страницах «Литнаследства» выступали самые выдающиеся деятели советской литературной науки.

3

За четыре с лишним десятилетия своего существования «Литнаследство» выпустило 88 томов, включающих в себя не только

важнейшие архивные документы и первоклассные исследования по самым разнообразным проблемам художественного наследия и истории русского освободительного движения. Замечательная особенность «Литнаследства» всегда состояла в том, что свои усилия оно сосредоточивает на главном направлении науки, на изучении коренных, магистральных проблем истории литературы, которые позволяют выявить ее глубинные связи с развитием общественной мысли и освободительного движения.

«Литнаследство» содействовало развитию и теоретического уровня советского литературоведения. Уже в первых своих томах оно опубликовало новые, необычайной ценности материалы, характеризующие эстетические позиции Маркса, Энгельса, Ленина, их взгляды на некоторые существеннейшие проблемы искусства и литературы. Эти документы (например, переписка Энгельса с Маргарет Гаркнесс, суждения Маркса и Энгельса о трагедии Лассаля «Франц фон Зикинген», переписка Энгельса с Минной Каутской, пометы Ленина на «Книжной летописи», а также протоколы редакции «Пролетарий», открывшие новые аспекты борьбы Ленина против богостроительства, и многое другое) сыграли неоценимую роль в развитии советского литературоведения, в оснащении его марксистско-ленинской методологией. Эти материалы содействовали разгрому

щена теме «Островский за рубежом». До сих пор наши представления об этом предмете были клочковаты и далеко не во всем достоверны. Как всегда, полузнание рождало легенды. Одна из них состояла в том, что Островский-де «слишком национален» и за пределами России не имел якобы серьезного успеха. Опубликованные в томе документальные материалы о переводах и постановках пьес Островского в Англии, США, Франции, Германии, Италии, Болгарии, Югославии и других странах рисуют совершенно иную картину, открывая новую область в изучении драматургии Островского, непрерывно возрастающего интереса к ней на Западе, а также ее влияния на мировую театральную культуру.

Но странное дело: книги, казалось бы, на сугубо специальную тему выходят тиражом в 15 — 20 тысяч экземпляров и мгновенно расходятся. И в этом состоит еще одна удивительная черта «Литнаследства». Издание, задуманное для узкого круга ученых-исследователей, непрерывно расширяет свою читательскую аудиторию и становится изданием для многих.

4

В последние годы существенно расширилось поле деятельности редакции «Литнаследства». Давно назрела необходимость в разработке архивных материалов, связанных с советской литературой.

ледством». Эти слова Ленина взяты «Литнаследством» в качестве эпиграфа к каждому тому, и они стали идейно-эстетическим девизом всего издания. Исследуя прошлое, редакция всегда чутко прислушивается к пульсу современной жизни. И это дает ей возможность выбирать в прошлом самое главное, самое ценное, именно то, что с наибольшей пользой служит современности.

5

Кому же «Литературное наследство» обязано своим успехом? Если говорить широко, тем восьмистам с лишним советским ученым-литературоведам, которые в разные годы выступали на его страницах. Но будет несправедливо не сказать здесь несколько благодарных слов о людях, которые с удивительным трудолюбием и талантом изо дня в день вершат это дело.

Уже сорок четыре года бессменно стоит у руля «Литнаследства» Илья Самойлович Зильберштейн — его инициатор и организатор, чье семидесятилетие мы отмечаем в эти дни. Это он в один прекрасный день явился в особняк на Страстном бульваре, где тогда находилась штаб-квартира журнала «Огонек» и огромного комплекса — Жургазобъединения, которым руководил Михаил Кольцов. Уже пять лет до того И. Зильберштейн был представителем «Огонька» в Ленинграде, совмещая хло-

И. С. Зильберштейн.

жев и его живописное наследие»— заняла целый том «Литнаследства». Н. Бестужев в сибирской ссылке написал около двухсот портретов осужденных декабристов и пейзажей. Зильберштейн разыскал эти акварели и исследовал историю их создания. Ныне эта книга в расширенном виде выходит в издательстве «Изобразительное искусство».

ИТЕРАТУРНОЙ НАУКИ

вульгарного социологизма и остатков формализма, они активизировали разработку многих центральных проблем нашей эстетики и теории литературы.

Сегодня мы уже с трудом вспоминаем, сколь неполными и односторонними были наши представления о писателях-декабристах, Белинском, Щедрине, Герцене, Некрасове, Тургеневе, Толстом, Бунине, Достоевском до выхода в свет соответствующих томов «Литнаследства».

Недавно увидел свет новый, 88-й том, посвященный А. Н. Островскому. Две книги этого тома заключают в себе 1 200 страниц ценнейших документальных материалов. Они проливают во многом новый свет на различные аспекты биографии и творчества великого драматурга, а также его влияния на развитие русского и мирового театрального искусства.

Жемчужиной этого тома представляются 252 неизвестных прежде письма Островского и свыше 200 писем к нему. Публикация и исследование этого эпистолярного материала — драгоценное приобретение для истории литературы и театра. В них не только множество разнообразных подробностей о жизни и деятельности Островского. Они позволяют полнее воссоздать всю картину театральной жизни России 50—80-х годов прошлого века.

Значительная часть тома посвя-

В наших архивохранилищах накопились горы материалов, изучение которых позволило бы ярче раскрыть многие аспекты литературного движения советской эпохи, деятельность различных литературных организаций, жизнь и творчество крупных писателей. Вот и эти материалы стали теперь все больше привлекать к себе внимание «Литнаследства». Уже вышло восемь томов о советской литературе, каждый из которых представляет собой явление по-своему замечательное. «Горький и советские писатели. Неизданная переписка», «Новое о Маяковском», «Из творческого наследия советских писателей», двухтомник «Советские писатели на фронтах Великой Отечественной войны», «Из истории Международного объединения революционных писателей», тома, включающие в себя разнообразные материалы о Луначарском и об отношениях Луначарского и Ленина. Без этих книг уже просто невозможно приступать к какой бы то ни было исследовательской работе по истории советской литературы.

Вот предо мной том «В. И. Ленин и А. В. Луначарский». В нем 70 с лишним печатных листов. Эта книга — результат колоссальной работы. В отечественных и зарубежных архивохранилищах было выявлено несметное количество неизвестных прежде материалов: переписка Ленина и Луначарского (около двухсот впервые публикуемых писем!), девятнадцать докладов Луначарского Ленину и многое другое. Все эти документы надо было изучить, систематизировать, прокомментировать.

«Хранить наследство — вовсе не значит еще ограничиваться нас-

потливую организационную работу с тем, что вскоре станет главным делом его жизни — розыском в архивах и публикацией различных литературных материалов. В 1926 году двадцатилетний Зильберштейн издал свою первую книгу — «Из бумаг Пушкина. Новые материалы». Затем одна за другой выходят еще пять его публикаторских книг. Научная ценность документов, безукоризненная их текстологическая подготовка, добротный комментарий — все это предвещало в молодом человеке серьезного исследователя.

Весной 1930 года Зильберштейн был приглашен Кольцовым для работы в Москве. Осенью того же года у молодого сотрудника «Огонька» созрела мысль о создании некоего альманаха для публикации в нем материалов из литературных архивов.

Кольцова не надо было долго убеждать. Первые же выпуски «Литнаследства» имели громадный успех. И издание благословили в дальнюю дорогу.

Сегодня на лице И. Зильберштейна проглядывают морщинки, голова его словно посыпана пеплом, а он все такой же неутомимый и дьявольски неугомонный, каким был в юношеские лета. За минувшие четыре десятилетия И. С. Зильберштейн стал крупным ученым — литературоведом и искусствоведом, доктором наук. Одна из его работ — «Николай Бесту-

Побывав несколько лет назад три месяца в Париже, он вернулся оттуда с полутора десятком чемоданов, набитых художественными и рукописными сокровищами, ныне ставшими достоянием государственных архивохранилищ (в частности, в ЦГАЛИ поступило около 12 тысяч документов). Первое и, надо полагать, далеко не исчерпывающее представление об этих сокровищах дали появившиеся на страницах «Огонька» интереснейшие очерки И. Зильберштейна, объединенные общим заглавием «Парижские находки», которые в более полном виде вскоре выйдут отдельной книгой.

Важная роль в судьбе «Литнаследства» принадлежит Сергею Александровичу Макашину. Он пришел в редакцию годом позже Зильберштейна и с тех пор вместе с ним стоит на вахте. Осторожный и вдумчивый текстолог, глубокий историк литературы, знаток Некрасова и особенно Щедрина, за работу о котором был удостоен степени доктора филологии и звания лауреата Государственной премии, С. Макашин хорошо дополняет порывистого, импульсивного И. Зильберштейна. Разные по характеру и темпераменту люди, но одинаково влюбленные в свое дело, они четыре с лишним десятилетия, почти всю свою сознательную жизнь, шагают по ней в одной упряжке.

Этих двух подвижников дополняет и подпирает небольшая группа сотрудников, также безоглядно влюбленных в свое коллективное детище и отдающих ему свои знания, свой опыт и свою душу: Л. Ланский, Н. Эфрос, Л. Розенблюм, А. Дубовиков, Н. Трифонов, Т. Динесман. В истории «Литнаследства» не может быть забыто имя покойного И. Сергиевского, много лет жизни отдавшего этому изданию. Давно связаны с «Литнаследством» в качестве члена редколлегии академик М. Храпченко и его нынешний главный редактор член-корреспондент АПН СССР В. Щербина.

Осенью 1973 года на VII Международном конгрессе славистов в Варшаве в одном из залов была экспонирована коллекция томов «Литературного наследства». Доклад на тему «Вклад «Литнаследства» в изучение истории русской литературы и общественной мысли» прочитал И. Зильберштейн. Выступая в прениях, венский русист профессор Г. Вытженс перефразировал известные слова, приписываемые Достоевскому:

— Все мы вышли из «Литературного наследства».

В этой шутке есть доля правды. Ни в нашей стране, ни где-либо невозможно заниматься изучением русской литературы, не опираясь на материалы «Литнаследства».

Конечно, не все тома «Литнаследства» равноценны по своему научному уровню. Бывали в иных материалах и промахи и ошибки. В большом деле, вероятно, трудно их избежать. Важно лишь уметь вовремя извлекать уроки и идти вперед. Судя по всему, «Литнаследство» именно так и поступает. Как правило, время не властно над материалами, появляющимися в «Литнаследстве». Публикации 30 — 40-летней давности сегодня продолжают сохранять значение первоисточников. Но «Литнаследство» не стоит на месте. С каждым новым томом растет научный уровень этого издания.

Следовало бы пожелать «Литнаследству» смелее вести разработку материалов по истории советской литературы, интенсивнее публиковать документы, помогающие исследованию межнациональных связей русской литературы с литературами народов СССР, а также зарубежными.

И еще хочется сказать. Иные историко-литературные статьи, появляющиеся на страницах этого почтенного издания, могли бы быть менее эмпиричными и содержать в себе более надежные теоретические обобщения.

Одна из важных задач современной литературной науки состоит в углубленной разработке проблем истории русской литературной критики. Здесь много еще белых пятен и совершенно не изученных явлений, особенно если говорить о тех критиках, деятельность которых проходила вне русла революционно-демократических традиций. Естественно рассчитывать, что вклад «Литнаследства» в решение этой задачи будет достаточно весомым.

Четыре года назад «Литературное наследство», полное новых больших замыслов, вступило в пятое десятилетие своей жизни. Сейчас готовятся к печати дневники врача Л. Н. Толстого Душана Петровича Маковицкого и том, рассказывающий о русско-английских литературных связях. Выйдет том, посвященный творчеству В. Я. Брюсова, выйдут два тома «Из неопубликованного литературного наследства А. А. Блока».

Читателя ждут новые встречи и открытия.

ЗЕМНЫЕ ОРБИТЫ «ПЛАНЕТЫ»

Геннадий КОВАЛЕНКО

На международной выставке «Лучшие книги со всего мира», которая проходила в Берлине в 1973 году, золотую медаль получил фотоальбом «Москва». Красота улиц и проспектов столицы, многочисленные бульвары и парки, памятники архитектуры и скульптуры — излюбленная тема мастеров художественной фотографии. Альбом «Москва», изданный в «Планете», в отличие от ранее выходивших является своеобразной фотолетописью столицы. Объектив зафиксировал старину и сегодняшний день, славное революционное прошлое и дерзновенную устремленность в будущее, созидательный труд и культурный отдых москвичей — всю многообразную жизнь города.

Героический подвиг советского народа в битве с гитлеровскими захватчиками в суровом 1941 году будет запечатлен в первом томе большого пятитомного издания «Великая Отечественная война в фото- и кинодокументах», который выйдет накануне 30-летия Победы.

День нашей Родины начинается на Камчатке, и об этом удивительном крае девственной природы, гейзеров, вулканов рассказывает Вадим Гиппенрейтер в альбоме «К вулканам Камчатки». Землей романтиков, людей смелых, ищущих предстает Камчатка на его цветных и тоновых фотографиях. «Командоры» — еще один альбом этого мастера удостоен бронзовой медали на упомянутой выставке в Берлине.

Многих прельщает своеобразная природа Байкала. Красочные фотографии, собранные в один альбом, рассказывают о его живописных окрестностях.

Ежегодно тысячи туристов посещают Пушкинский заповедник, Ясную Поляну, Поленово и другие места, связанные с жизнью выдающихся деятелей русской культуры. Этим прекрасным, самобытным уголкам нашей страны посвящен ряд альбомов. Вот один из них — «В краю великих вдохновений». Михайловское, Тригорское, Петровское — здесь жил и творил А. С. Пушкин. «Приютом спокойствия, трудов и вдохновенья» назвал поэт село Михайловское. В тиши его рощ созрели главы «Евгения Онегина», «Бориса Годунова», десятки лирических стихотворений, ставших шедеврами русской поэзии.

Широк диапазон книг, выходящих в издательстве. Диплома Международной организации журналистов удостоен сборник «Между залпами», рассказывающий о героической борьбе вьетнамского народа. Его авторы С. Зинин, Л. Кричевский и Н. Солнцев не профессиональные фотографы. Будучи корреспондентами Всесоюзного радио, они ежедневно передавали информацию в Москву, снимки же делали просто для памяти. А потом оказалось, что они интересны, уникальны, пригодны для публикации. И тогда из информационного текста и фотографий сложился интересный том.

Создание фотоальбомов и фотокниг требует привлечения опытных и талантливых людей — ведущих фотомастеров, писателей, драматургов, художников, требует создания новых творческих коллективов. Поэтому в нашем издательстве сотрудничают Расул Гамзатов, Константин Симонов, Эдуардас Межелайтис, Алексей Сурков, Сергей Сергеевич Смирнов, Мирзо Турсун-заде и многие другие советские поэты и прозаики.

...Фотомастер снимает художественную фотографию, репортаж, фоточерк. Как правило, это все же узкий замысел. А если он снимает целую книгу по сценарию? Если он не ограничивается десятью фотографиями на один сюжет, а снимет сотню, в которых сюжет развивается от завязки до кульминации и далее, до развязки? Так обычно делают кино- и телефильмы: пишется сценарий, по нему ведутся съемки, подбирается материал, монтируются кадры, эпизоды и, наконец, сам фильм. По такому принципу был создан фотоальбом «Волга». О великой русской реке написано много. Но вот увидеть ее в одной книге — от истоков до устья — такого встречать не приходилось. Два фотомастера — Евгений Кассин и Марк Редькин — вели съемки более трех лет. И в результате вышла книга о Волге. Она рассказывает о трудовых буднях городов и сел Поволжья, о волжских электростанциях, портах, промышленности. О памятниках мужеству и героизму советских людей в годы Великой Отечественной войны. О местах, связанных с жизнью и деятельностью В. И. Ленина, выдающихся людей России, родившихся на ее берегах.

В этом номере «Огонек» публикует фотографии из альбома «Волга».

●

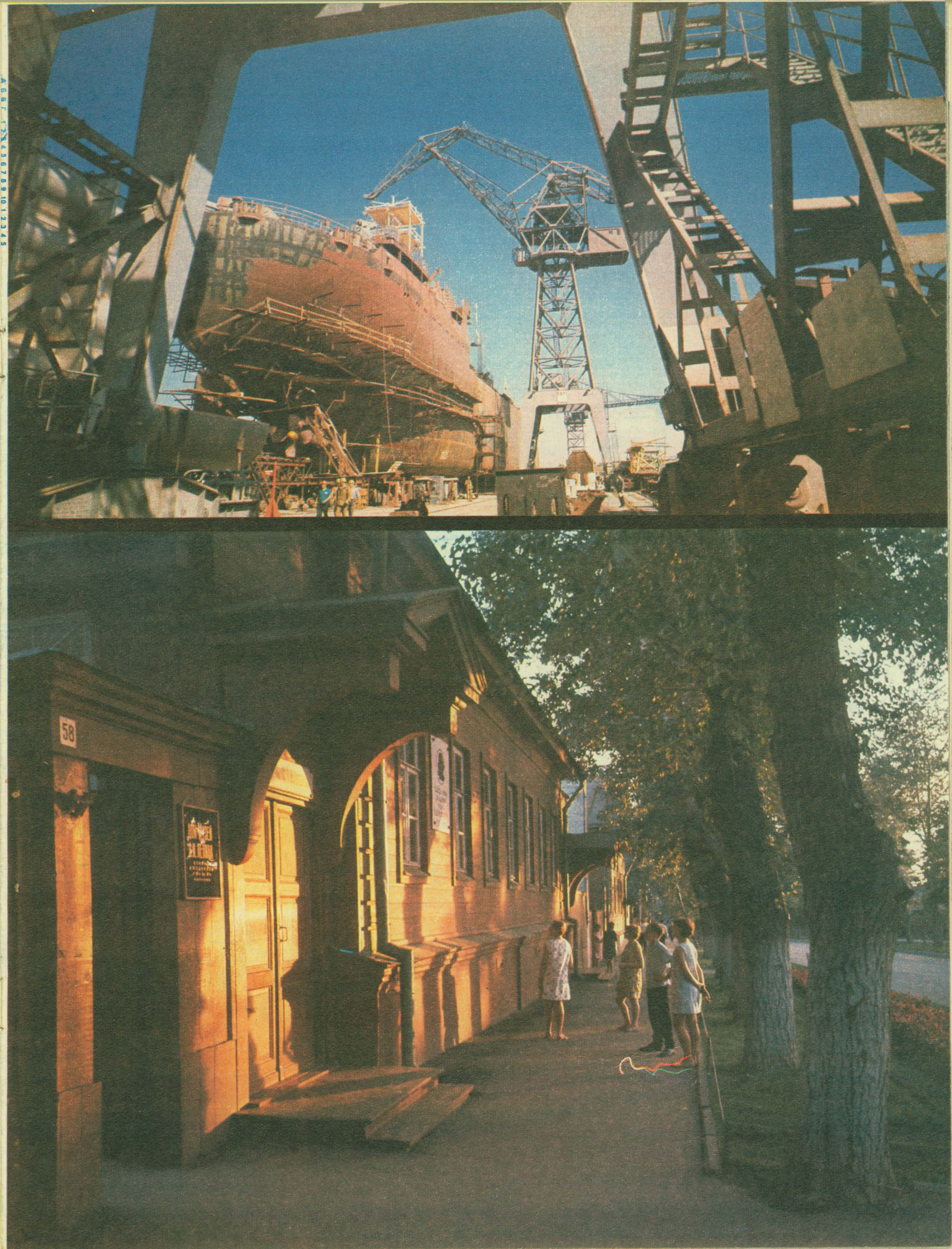
На судоверфи Астраханского морского судостроительного завода строится новый танкер.

Ульяновск. Дом-музей В. И. Ленина. Здесь жила семья Ульяновых.

НА РАЗВОРОТЕ: Башня казанского кремля.

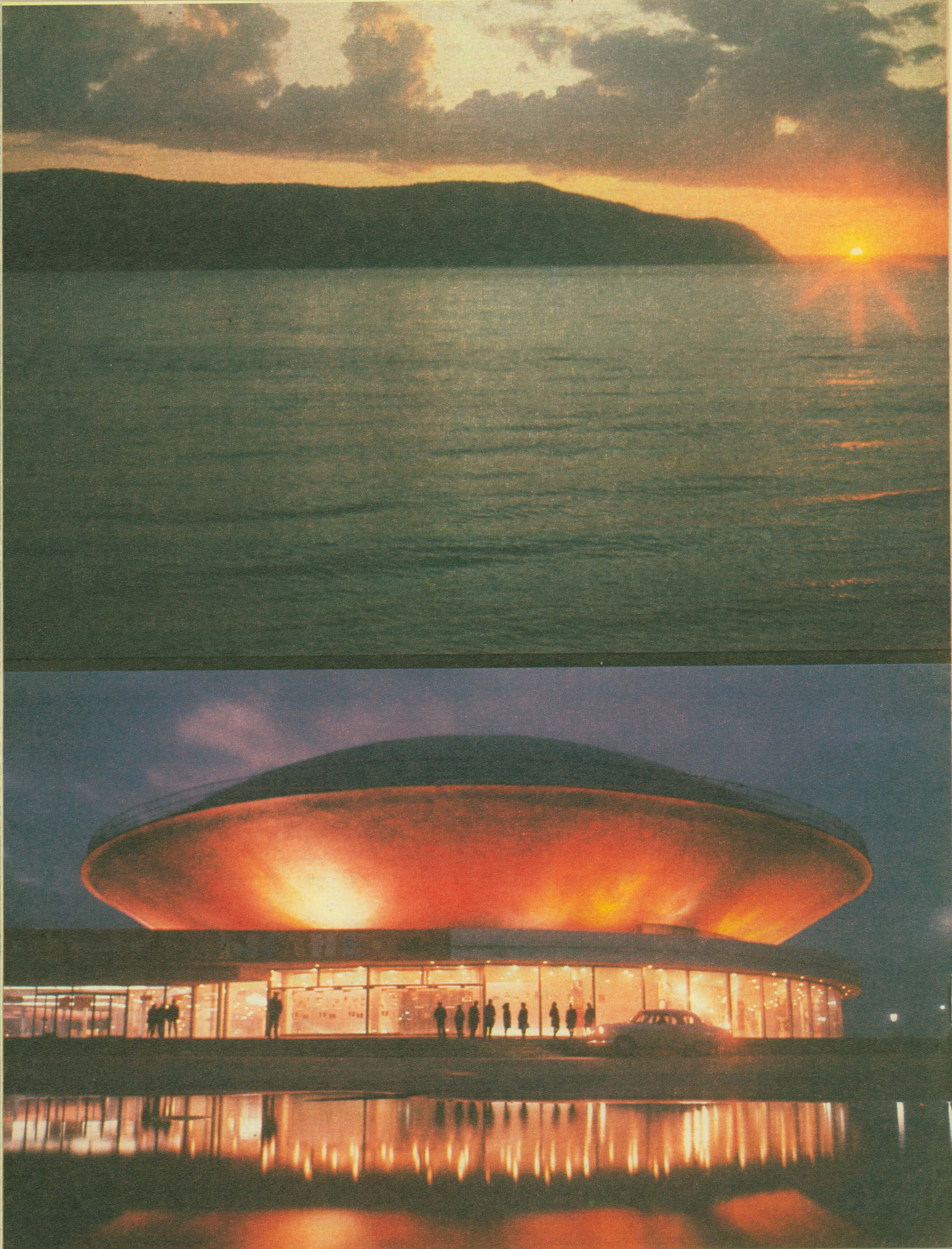
Русский танец. Участница самодеятельности города Костромы.

Фото Е. Кассина, М. Редькина

58

БЕРЕГ

Юрий БОНДАРЕВ

РОМАН

Рисунки И. ПЧЕЛКО.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

В этом отдаленном от передовой тишайшем городке еще соблюдалась светомаскировка, и поздним вечером сидели с наглухо задернутыми шторами в большой комнате первого этажа, напоминавшей не то кабинет, не то библиотеку, с веселым азартом пили баварское пиво, раздобытое старшиной на берлинских складах, нещадно курили безвкусные трофейные сигареты и вели нескончаемые разговоры.

Было тут шумно, по-домашнему непривычно светился над столом стеклянный зеленый абажур керосиновой лампы, плыл в бесконечном течении сигаретного дыма, как в замутненной воде, покачивался фосфорической медузой среди поблескивающих корешков старинных книг в окружении оленьих рогов и темноватых картин, на которых сумрачными скалами возвышались под тучи очертания средневековых замков.

После ужина нежданно пришел, сопровождаемый младшим лейтенантом медицинской службы Аксеновой, комбат Гранатуров. Он громогласно сообщил, что в медсанбате соскучился по дьяволам-огневикам, надоело кушать манные кашки, и вот с Галочкой оказалось ему по дороге, стало быть, принимайте гостей, если, конечно, здесь еще считают его комбатом. Тут же из разговора, когда начали вспоминать события дня, Гранатуров узнал о трофейных рейхсмарках, совсем теперь бесполезных бумажках от наложенного Никитиным вето, и, развеселившись, недолго размышляя, посоветовал пустить их в умное дело — раздать для интереса тысяч по десять и перекинуться в двадцать одно, чтобы выяснить, кому все-таки в любви везет, а кому и нет, и, глянув подмигивающе на Галю, на сдержанного лейтенанта Княжко, предложил:

— Прошу вас, Галочка, попытайте счастья, сядьте с нами. Интересно посмотреть, как в этом случае везет женщинам.

— Зачем? Вы хотите меня лишить особенностей слабого пола, Гранатуров? — безразлично сказала Галя, садясь на кожаный диван под книжными полками.— Это вам лично мало что даст.

— Мне лично везет, как утопленнику,— вздохнул Меженин, выкладывая на стол из мешка пачки денег.— Хотел бы раз в медсанбатик попасть, товарищ младший лейтенант медицинской службы.

— Разумеется, началось бы невообразимое, за вами ходили бы по пятам с манной кашкой. Бедный медсанбат! — У нее был глубокий грудной голос, переплетенный тугой ниточкой насмешки, и, может быть, если бы не удлиненный нежный овал лица, нежная от вороненых волос и бровей белизна лба, она могла бы показаться не по-женски чересчур резковатой, как бывают неестественно решительны медсанбатские врачи и сестры в обществе солдат.

— Итак, начнем картежную жизнь! — скомандовал Гранатуров.— Ша, славяне! Ахтунг!

Меженин первый поставил в банк и, пощелкивая, поигрывая, треща чистенькой атласной колодой с двойными портретами Гитлера вместо обычных валетов, начал сдавать карты.

— Книги, оленьи рога, старинные гравюры. И даже камин,— проговорила Галя и, пробежав темными глазами по комнате, очень длительно поглядела на Княжко и Никитина.— Чей-то нарушенный русскими уют... Представляю, как они могут нас бояться и ненавидеть. Лейтенант Никитин, вы сами здесь расположили свой взвод?

— Именно,— сказал Никитин.— Пустой дом. Хозяев нет.

— А лейтенант Княжко в соседнем доме? Вы рядом?

— Вероятно,— сухо ответил Княжко.— Вероятно, мой взвод в соседнем доме.

— Огневые взвода располагаются рядом, чтоб вы знали, Галочка! — пророкотал весело Гранатуров, взяв выкинутую Межениным на стол карту.— Еще одну. Так... Еще на счастье. Да, судьба — котелок, жизнь — балалайка, перебор! Вот кому везет во всех смыслах, сержант, так это тебе! Пять сотен враз проиграл! Дьявол ты везучий! Попробуй-ка, везет ли лейтенанту Княжко!

— Не отрицаю, по слухам, мама меня в лапоточках родила.— Меженин, довольный удачливым началом, подправил выросшую кучку денег в банке, снова защелкал картами.— Говорят, раньше эксплуататоры женщин в карты проигрывали и выигрывали. На сколько идете, товарищ лейтенант? Вам без всяких-яких полное очко подкатит — тройка, семерка, туз... Не пойдете втемную? — спросил он Княжко и вскинул ресницы, жестковато-ласковым взглядом обвел Галю, откинувшуюся на диване; суконная юбка цвета хаки стягивала ее сжатые колени, поблескивали сапожки.— Вот ежели бы вы, Галочка, жили в те времена и вас проиграли, что б вы сделали, интересуюсь?

— Втемную — нет.— Княжко еще не раскрыл выложенные на скатерть карты, как лицо его будто заострилось от короткого Галиного смеха, от грудного звука ее голоса.

— Остроумно шутите, Меженин! Но отвечаю вам без шуток. Вы средневековый феодал сорок пятого года. Если бы вы меня выиграли, не дай бог, я положила бы под подушку остро наточенный кинжал.

— И, значит, убили бы, не пожалели?

— Не задумалась бы. Ни на секунду.

— Проглоти, сержант, и улыбайся. Ясно? — восхищенно вскричал Гранатуров и здоровой правой рукой выдернул из ножен на ремне трофейный, зеркального блеска кортик, повертел им в воздухе.— Не подарить ли, Галя? На всякий случай!..

— Семнадцать,— бесстрастно сказал Княжко и открыл свои карты. — Что у вас, Меженин?

— Девятнадцать, товарищ лейтенант,— ответил, дунув на карты, Меженин и ухмыльнулся.— Ваша бита! Без всякого шулерства, чин-чинарем. Эх, а вот в любви не везет...

— Прочти-ка, Княжко, что за слова на лезвии.— И Гранатуров бросил кортик на пачку рейхсмарок перед Княжко.— Ты один у нас по-немецки стругаешь. Слова — будь здоров! Прочти всем!

— Blut und Ehre,— хмурясь, прочитал Княжко вычеканенные слова на лезвии и перевел: — Блют — кровь. Эре — честь.

Меженин ловкой перетасовкой опытного игрока выгибал, выравнивал, подготавливая в ладони скользкую атласную колоду, с ухмылкой догадался:

— В общем, кинжальчик удачу означает. Вроде нашего: «Или грудь в крестах, или голова в кустах». Вы как, товарищ лейтенант? Сыграете наудачу? Втемную?

— Сдавайте карты,— сказал Никитин.— Мне все равно. На весь банк, что ли.

— Философ ты, Меженин, дальше ехать некуда! — Гранатуров щегольским движением вложил кортик в ножны.— Эту штуковину, друзья мои, в Берлине взял в штабе летной школы «Гитлерюгенд» на Шпрее. Правильно — кровь и честь. Сильно сказано. Оттого и Галочке предлагал. Налить пива, Княжко?

— Нет. Не налить.

— Прости, забыл — ты у нас не пьешь и не куришь. Аскет. Танковая броня. Железобетон!

Он нашел на столе раскупоренную бутылку, черные, жгучие глаза его с вопрошающим интересом окинули Галю с головы до узких хромовых сапожек, сложенных крестиком, спросил, улыбаясь:

— Вам не скучно с нами, Галочка?

Она уже не оказывала никому внимания, как бы отсутствующе сидела в уголке старинного кабинетного дивана, подперев кулачком щеку, другой рукой листала на коленях тяжелую от коленкорового переплета книгу, снежной белизны ее лоб наклонен, темнели строго слитые брови, какое-то новое, задумчивое и сдержанное напряжение было в ее лице.

— Галочка,— нежно зарокотал Гранатуров и гигантским корпусом перегнулся к ней.— Ну, чего вы там в книгу хмуритесь? Поговорите с нами, бокал пивка выпейте, и все нормально будет. Если вас тут кто стесняет, так вы ноль внимания — вам все разрешено, вы, как-никак, а офицер, Галочка!

Но едва он проговорил это, перекидывая усмешливый взгляд на Княжко, как тот брезгливо поморщился и, суховатый, перетянутый по чуть выпуклой груди портупеей, с тщательно зачесанными на косой пробор светлыми волосами, сказал холодным тоном неудовольствия:

— Нельзя ли без навязчивости, товарищ старший лейтенант?

— Чего злишься, лейтенант, да неужели я тебя обидел? Или Галю обидел? — фальшиво изумился Гранатуров.— Вот тебе — и виноват без вины оказался!

— Насколько я понимаю,— продолжал Княжко непроницаемо,— младший лейтенант медицинской службы никому в батарее не подчинена и может поступать, как ей заблагорассудится. И ваши советы по меньшей мере лично мне кажутся смешными.

— Ай, лейтенант! Ай, Княжко, люблю я все-таки тебя и сам не знаю за что! — нарочито захохотал Гранатуров.— Ей-богу, люблю, хоть ершистый и упрямый ты парень, дальше некуда! Объясни мне — мы с тобой когда-нибудь на «ты» перейдем? Или ты выкать хочешь?

Лицо Княжко было по-прежнему бесстрастным.

— Я не могу ответить вам полной взаимностью, товарищ старший лейтенант. Мне удобнее обращаться к старшим по званию соответственно уставу.

«Нет, Княжко не забыл и не простил ему то старое, что было между ними,— подумал Никитин, рискованно набирая втемную четвертую карту.— Нет, он в чем-то непримиримее и решительнее комбата. И это знает Гранатуров и не хочет с ним ссоры в присутствии Гали».

— Конечно, проиграл, черт его дери! — сказал Никитин и положил деньги в кучу купюр на столе.— Вам действительно везет, Меженин.

— В лапотках, в лапотках я родился, товарищ лейтенант, не на городских коврах воспитывался!

— Лапотки — это похвально. Что ж, попробуем еще раз, как без лапотков повезет,— вдруг упрямо проговорил Княжко.— Только учтите — без темной. Сдавайте карту, сержант.

— Вы обратили внимание на библиотеку? —

Продолжение. См. «Огонек» №№ 12, 13.

◀ «Жигулевские ворота».
Цирк в Казани.

вроде бы некстати спросила Галя, отрывая неулыбающиеся глаза от книги.— Кто, интересно, здесь жил? Куда они убежали? Наверно, сидели за столом по вечерам под этой лампой, мужчины в колпаках, женщины в халатах, читали эти старинные книги. Никак не могу представить, что они думали о войне, о Гитлере, о нас, русских... И бросили все — убежали.

— Совершенно пустой дом,— подтвердил Никитин.

— Пустой...— Она обвела взглядом купол запыленного абажура, просвеченного керосиновой лампой, картины в толстых рамах по стенам, кожаные потертые кресла, задернутые на окнах красные бархатные шторы, камин с бронзовыми миниатюрными фигурками нагих женщин, сказала:

— И даже остались древние весталки, покровительницы домашнего очага. Помните, Никитин? Я их запомнила по школе, когда изучали историю Рима. Вам не бывает, Никитин, почему-то грустно в покинутом чужом доме? Грустно и странно.

— А чего грустно? Нормально,— успокоил Меженин и дунул на карту, колдовски щелкнул ею себя по носу.— Вот и вразрез пошло. Тройка!.. Фу-фу намечается, едрена-матрена!..

— Весталок я плохо помню,— ответил Никитин и, слушая ее медленный глубокий голос, подумал, что она говорила это не ему, не Гранатурову, не Меженину, а лейтенанту Княжко, что она, вероятно, готова была сидеть вот так в одной комнате с ним, если бы даже он в течение всего вечера ни разу не обратился к ней,— или это только воображалось ему?..

— После войны замуж выйдете, еще такой роскошный уют заведете — закачаешься! — подмигнул Гранатуров.— Хотел бы я к вам тогда заехать, посмотреть на вас.

— Да?

— Не прогнали бы? Одним глазом посмотреть...

— Долго придется ждать. Очень долго, товарищ старший лейтенант.

— Почему долго? У вас и тут, Галочка, поклонников штабелями. Мизинчиком стоит пошевелить — и к ногам вашим по-пластунски поползут.

Она усмехнулась, рассеянно полистала книгу на коленях.

— Я разборчивая невеста, Гранатуров. Вы никак не можете поверить, что есть и такие ненормальные бабы.

— Ох, Галочка, мужчины тоже под ногами не валяются!

— Я с трудом терплю мужчин. Уж очень они мне надоели за войну.

— Кого же вы любите? Женщин? За женщин замуж не выходят. Запрещено!

— А какое кому дело, кого я люблю и выйду ли я замуж? Боже, как интересно! Вам это очень нужно знать?

— Какая милая пустопорожняя болтовня! — проговорил Княжко, как бы по вялой инерции раскрывая сданные Межениным карты, но губы его властно подсеклись, что бывало заметно в приступе сдерживаемой злости, и он договорил: — Лучше скажите, товарищ комбат, что нового в штабе полка? До медсанбата, по-моему, доходит больше слухов, чем до огневиков.

— Нового? — Гранатуров правой рукой откупорил пивную бутылку, позвенел бокалом о горлышко, чокаясь с бутылкой.— Галочка, за вас! Что нового? Пока полное спокойствие, други мои. Бои на западе. Да еще мелочь и ерунда — какие-то группки разбитых под Берлином частей в лесах кое-где бродят. Как видно, плена, сволочи, побаиваются, а деваться фрицам-то некуда.

— Вот это математический расчет! На два очка обчесали меня! Накатило вам, и вы, выходит, в лапоточках тоже родились? А?

— В тулупе, Меженин, в тулупе,— сухо сказал Княжко.— И помню, в валенках по коврам ходил.

— Лейтенанту Княжко во всем везет, первый в полку счастливчик! — подхватил, зарокотал Гранатуров, поправляя левую забинтованную кисть на марлевой перевязи, врезавшейся в погон.— Верно, Галочка? Живи он сто лет назад, быть бы ему гусаром. Скатерть белая залита вином... Так поется в песне? И командовал бы он гусарским полком, а не меня замещал.

— Нам пора, товарищ старший лейтенант,— сказала Галя и решительно захлопнула книгу, поставила ее на полку.— Я, как врач, должна напомнить — вы пока на лечебном положении.

— Галочка, золотце! — запротестовал Гранатуров.— В медсанбат? От прекрасного пива к храпунам в палате? Сил моих нет, душу вымотали, перестреляю я их как-нибудь, не выдержу!

— Если нет сил, оставайтесь. Хоть до утра. Сегодня я вам разрешаю. Но у меня дежурство. И, пожалуйста... хочу предупредить. Из возраста девочки давно выросла, поэтому прошу — никому не провожать меня.

— Без сомнения, вам пора,— холодно подтвердил Княжко, не взглянув в ее сторону.

— Да вы что? Одна? Ночью? В немецком городе? — Гранатуров с грохотом отодвинул стул, возвысился над столом огромным своим телом.— Я отменяю свое решение. Галочка! Я готов...

— Нет,— сказал Княжко ледяным тоном.— В городе патрули, и опасаться совершенно нечего, товарищ старший лейтенант.

— Разумеется,— кивнула Галя и засмеялась напряженно тихим, неприятным смехом...

Никто в батарее толком не знал о тайных взаимоотношениях командира первого взвода лейтенанта Княжко и медсанбатского врача Аксеновой, никто не видел, где, в каких обстоятельствах и когда встречаются они вне батареи, но все сначала догадывались, а позднее убедились, что знакомство это произошло полгода назад, уже на границе Пруссии — десять дней Княжко лечился в тылах артполка после того, как открылось у него пулевое ранение в ноге. Он вернулся, по-видимому, раньше срока, похудевший, замкнутый, ходил, еще сильно прихрамывая, и странно было видеть строгую сухость его и сдерживаемое недовольство, когда изредка возле орудий на марше начавшегося наступления притормаживала санитарная машина, отмеченная красным крестом, и медсанбатский врач, тонкобровая, вся хрупко-узенькая, темноглазая, с воронено-черными на белых щеках волосами, видневшимися из-под маленькой пилотки, не улыбаясь, подходила к орудиям первого взвода, некоторое время шла рядом с Княжко, помогающим себе при ходьбе палочкой. Она серьезно задавала ему какие-то вопросы, имеющие, вероятно, отношение к его раненой ноге, а он едва отвечал ей, неприветливый, вежливо-официальный, и тогда, казалось, нетерпеливо ждал одного — чтобы она поскорее уехала. И она задерживалась в батарее ненадолго, а потом Княжко ни словом не вспоминал о ее приезде, хмурясь под любопытствующими взглядами солдат, которые, боясь его спокойного гнева, вслух не говорили ничего. Раз Гранатуров, будучи свидетелем этой дорожной встречи, сказал, ревниво и бурно веселясь, в отсутствие Княжко, что, по ясной очевидности, лейтенант наш неисправимый девственник или баб боится, а миленькая помощница смерти не по адресу ездит, «понапрасну ножки бьет».

— Так вы сами подбейте к ней клинья; бабочка как полагается, все при ней, товарищ старший лейтенант,— подрагивая ресницами, дал совет многоопытный Меженин.— Грех теряться, когда рядом такой экземпляр ходит! Бог не велит. А добро пропадает.

И случилось так, что под крепостью Шпандау Гранатуров попал в медсанбат артполка по довольно легкой контузии — при обстреле привалило землей на НП. Он появился на батарее спустя неделю, громогласно-шумный, еще более расширившийся на тыловых харчах, привез с собой консервы, три бутылки водки, раздобытые у знакомых армейских разведчиков, сразу же собрал в своем блиндаже офицеров батареи и сержантов, устроил «обмытие возвращения блудного сына на родину», много пил, с загадочной значительностью, жгуче поводил чернотой зрачков по лицу непьющего Княжко, и когда Меженин не без подзадоривания попросил его рассказать насчет «чего такого прочего в медсанбатовских тылах», Гранатуров как-то по-шальному развеселенно глянул на офицеров и тотчас, притворно скромничая, забасил:

— Неудобно, братцы, не поверите, скажете — травлю...

— А вы за нервы не тяните, товарищ старший лейтенант! — поторопил Меженин.— Сами в тылу бывали! Небось, оторвались?

— Ну, так вот, братцы, что произошло,— наконец как бы принужденно решился Гранатуров.— Медсанбат в немецком городочке стоял, тыл, аккуратненько, в палатах электричество, тепло и кофе — живем, как в сказке, и нет тебе передовой! А контузия у меня — чихнуть дороже, ходячий — просто отдых на курорте. И познакомился я, братцы, в медсанбате с одной женщинкой — фигурка, грудки, ножки, задумчивые глазки, скажу вам, как небесный ангел, а по внешности — царица Тамара. Как положено — градусник по утрам: «Как вы себя чувствуете?», «Принести ли вам книжечку почитать?», тити-мити, то-се, пятое-десятое, разговоры и всякое прочее. В общем, дело, вижу, закрутилось. Потом пошел я однажды после дежурства, вечерком, провожать ее, она у немцев на квартире жила. Пришли. Отдельная комнатка, ковер, шторы, кровать широкая, и немцы-хозяева нигде не шуршат, не слышно их. Все чистенькое, светло и уют. «Сядьте»,— говорит. Сел, смотрю на нее, соображаю. А она разом идет к буфету, и тут оказалось, что выпить нашлось, спирт медицинский. Я выпил, а она не пьет, сидит, на меня задумчиво смотрит. Ну, думаю, ясна обстановка, и, значит, без всякой подготовки перешел в атаку по всем правилам. Конечно, шепот, слова: «Нет, нет, не надо, оставьте меня, уберите прочь руки»,— вся побледнела, даже зубки стучат, а сама к кровати меня тянет и пуговки на себе расстегивает... А когда легли и я свет потушил, такое, братцы, началось,— тысяча и одна ночь. Декамерон. Не приходилось читать такую книжку, сержант?

— Быстро очень получилось у вас, товарищ старший лейтенант,— перебивая, усомнился Меженин.— Больно по-книжному выходит. Сопротивляются они долго, а после уж и силу уважают. А у вас — сразу...

— Чушь! Просто заливаете, комбат,— не поверил Никитин, испытывая вдруг болезненное сопротивление.— Признайтесь, сочинили эту историю в медсанбате. От нечего делать.

— Вру? — дико оскалив зубы, спросил Гранатуров.— Значит, вру? Пожалуйста. Вот фото на память подарила!

И, упираясь в безучастного к разговору Княжко азартно полыхнувшим взглядом, вынул из кармана гимнастерки фотокарточку и кинул ее на середину стола.

— Теперь как?

В ту же секунду лейтенант Княжко, мертвенно бледнея, встал резко и гибко, жестко скрипнув в тишине натянутой на груди портупеей, и в тот миг, когда правая рука его с неумолимой сумасшедшей быстротой упала на бедро, вырвав «ТТ» из тесной кожи кобуры, и, когда по-слоновьи заорал Гранатуров: «Ты что? Ты что? Спрячь пистолет, говорю! Брось!» — Никитина будто метнула к Княжко инстинктивная сила порхнувшей над головой опасности, металлический запах беды; качнулся стол от суматошного толчка обеих рук Гранатурова, зазвенело разбитое стекло, брызнуло что-то по доскам меж консервных банок, и Никитин четко увидел совершенно белое, отрешенное, мальчишеское лицо Княжко, его меловые губы выговорили отрывисто:

— Если вы, старший лейтенант, не попросите извинения за всю эту гнусность, я вас пристрелю как подлеца!

— Убери пистолет, Андрей, слышишь? Спрячь пистолет, слышишь? — повторял хрипло Никитин и с гневом обернулся к Гранатурову.— Попросите извинения, комбат! Слышите?

— Пошутил я, говорят! Не понял? — крикнул Гранатуров задушенно.— Шуток не понимаешь?

— Шутки глупца! — выговорил Княжко отчетливо и непримиримо, отстраняясь от Никитина, обмякшим жестом вбросил пистолет в хрустнувшую кобуру, зачем-то провел пальцами по волосам и вышел в траншею быстрыми шагами.

Безмолвие стояло в блиндаже. Пожилой сержант Зыкин мрачно насупливался, крутил и не мог скрутить на коленях цигарку; Меженин, не шелохнувшись, ничем не выказав ни удивления, ни страха в момент стычки офицеров, был, казалось, раздосадованно углублен в изучение сивушной лужи, растекающейся по доскам из опрокинутой бутылки, принюхиваясь, заглядывал в раскрытые банки консервов. Гранатуров, сидя на нарах, шумно дышал, вытирал платком забрызганное лицо, и Никитин с неожиданной ненавистью к его косым бачкам, к его бревнообразной шее, свистящему дыханию спросил зло:

— Зачем вы здесь врали, комбат, как сивый мерин? Что вас дернуло ерунду молоть?

— С ума сошел!.. Вот психованный!...— выдохнул Гранатуров, глотком проталкивая не то смех, не то всхлип в горле.— Щенок сумасшедший, скажи!..

— Так бы и погибли смертью храбрых, товарищ старший лейтенант,— заметил как бы между прочим Меженин и поковырял в банке консервов.— Вот, жаль, водку напрасно потратили.

— Что вам нужно было от Княжко, комбат? Зачем врать? — Никитин дернул со стола намокшую фотокарточку.— Здесь нет никакой надписи. Значит, вам ее никто не дарил!

— Не ваше дело, не в свои дела лезете! — разозлился Гранатуров и выхватил из рук Никитина фотокарточку.— Лейтенант Княжко в этих делах ясно кто? Как собака на сене, ни себе, ни другим. Заморочил голову бабе — и ни хрена. Ладно! Из-за бабы лезть в бутылку не хочу, разыграл я его или не разыграл — это уже тайна, покрытая мраком! — Гранатуров, потянув воздух ноздрями, сильными поворотами пальцев разорвал фотокарточку на мелкие кусочки и ударил ими о стол.— Нежные вы у меня, интеллигенты! Ох, уж святые, дальше некуда!

То, что произошло или могло непоправимо произойти между Княжко и командиром батареи, открыло Никитину многое, но эта вежливая жесткость его в обращении с Галей на глазах Гранатурова и ее терпеливое непротивление его официальному твердому безразличию больше всего поражали своей противоестественной неопределенностью и тем, что Никитин еще не в состоянии был всецело понять.

— Нет, товарищ старший лейтенант,— повторил Княжко голосом знакомого упорства.— Провожать младшего лейтенанта медицинской службы Аксенову вам не стоит. Я был бы рад, если бы вы посидели с нами.

— Господи боже мой, о чем вы говорите? — со смехом воскликнула Галя.— Это имеет какое-то значение?

— Мушкетеры у меня в батарее, мушкетеры! Атос, Портос и... как там еще? Хватит мне приказы-то отдавать, удивляете вы меня! — захохотал Гранатуров против ожидания дружелюбно.— Скажу вам, Галя: лейтенант Княжко крупно играет. Только попади под его власть — маму родную вспомнишь!

— Угадали, старший лейтенант. Игра крупная, иду на весь банк,— проговорил медленно Княжко.— Сколько у вас, Меженин?

Меженин, тасуя карты, прищурился на кучу рейхсмарок.

— Восемьдесят пять тысяч, товарищ лейтенант. Сразу? На все? Под корень срезать думаете?

— Я сказал: иду на все!

— Выиграть думаете?

— Надеюсь.

«Но ведь ему все равно, выиграет он или не выиграет»,— подумал Никитин и посмотрел с томящим угадыванием на Гранатурова, на Галю: он чувствовал явную нарочитость, мешающую угловатость разговора между Княжко и комбатом, но хорошо знал, что в противоположность Гранатурову Княжко не умел притворяться безобидным балагуром, отходчивым свойским парнем, чтобы по необходимости обстоятельств нравиться другим и нравиться самому себе. Это была его сила и его слабость.

«Неужели и здесь он волю испытывает?»

Он несколько раз видел, как в первоначальные минуты танковых атак Княжко с упрямо-твердым выражением лица стоял около орудий в полный рост, стоял минут пять, не пригибаясь при близких разрывах, визжащих осколками над головой, и, лишь бледнея, смотрел на вспышки танковых выстрелов, точно этим необъяснимым и бессмысленным риском на виду всего взвода судьбу испытывал. Необъяснимее было то, что, уже спрыгнув в командирский ровик, он почти гневно кричал по телефону, чтобы расчеты не маячили перед танками пристрелочными манекенами, после чего говорил Никитину, что теперь убил в себе зайца, и внешне был спокоен до исхода боя.

— Я пойду, я прощаюсь с вами, артиллеристы,— неустойчивым голосом сказала Галя и развернула конвертиком сложенную плащ-палатку, накинула ее на плечи.— Гранатурова я оставляю. Все будет в порядке. Медсанбат недалеко.

— Галочка! — вскричал Гранатуров с шутовским страданием.— Что же вы с нами делаете? Красивая русская... одна ночью? В чужом городе?

— Я ничего не боюсь, Гранатуров. Немцы не насилуют русских врачей. Спокойной ночи, артиллеристы.

Это «спокойной ночи» было обращено ко всем, и Никитин, страстно желая сейчас, чтобы Княжко взглянул на нее, оторвался от этой не имеющей смысла игры, сказал что-нибудь,

наконец, просто кивнул бы ей, увидел его ничего не выражающие глаза, непроницаемо нацеленные на карты, которые с оттяжкой выбрасывал перед ним в одержимом самозабвении Меженин. Лейтенант Княжко словно не расслышал ернического баса Гранатурова, не расслышал насмешливого ответа Гали, он прямо сидел за столом, аккуратный, способный мальчик, затянутый в подогнанную офицерскую форму, и, окутанный сигаретным дымом, зеленый свет абажура блестел на его чистоплотно зачесанном косом проборе, на тугой портупее, на серебряных звездочках новеньких, надетых в Берлине погон.

— Приходите к нам, Галя,— сказал Никитин, внезапно раздражаясь на Княжко, и проводил ее до двери.

Она приостановилась, завязывая тесемки плащ-палатки, темный треугольник волос, свисавший из-под пилотки, резко оттенял ее белую щеку, губы дрернулись виновато и скорбно, и голос ее был негромок, пересиленно ровен, низок:

— Только вы единственный меня здесь любите, лейтенант.

И он понял, что она вкладывала в слова не прямое значение, а нечто иное — грустное, дружеское, благодарное, и, поняв, нахмуренный, неловко открыл дверь в коридор.

— Мы рады, когда вы приходите к нам, Галя.

— О, какая очаровательная псина! Откуда это? — воскликнула она в дверях и, распахивая полы плащ-палатки, наклонилась, стремительно подхватила на руки ободранную заспанную кошку, клубком свернувшуюся за порогом темного коридора, где из глубины комнат доносился храп солдат.— Это чья? Немецкая? Какая прелесть! Сто лет я не видела таких дурнушек!

Она, как ребенок, держала на весу вытянувшуюся всем длинным и мягким телом кошку, с сереющими сосками среди шерстки живота, худую, с длинными лапами, и радостно заглядывала темно-карими глазами ей в грязную, зажмуренную на свет морду. Потом, смеясь, прижала ее морду к щеке, к своим прекрасным вороненым волосам, умиленно говоря Никитину:

— Она мурлычет, го-осподи, худющая, ребра одни... Наверное, недавно у нее были котята. У нее есть котята? Или какая-нибудь сирота? Бездомная?

— Понятия не имею,— ответил Никитин.— Ее утром принес лейтенант Княжко. Со двора, по-моему.

— Лейтенант Княжко! — излишне оживленно проговорила Галя, все теребя, лаская притиснутую к подбородку кошку.— Могу я взять ее в медсанбат?

— Ну, зачем вам какую-то немецкую грязную кошку? — сказал Никитин, но его заглушил рокочущий наигранным возмущением бас Гранатурова:

— Эту замухрышку? В медсанбат? Доходяг уважаете?

Он поднялся из-за стола, скрипя сапогами, подошел к Гале, возвышаясь над ней, отчего сразу сделалось тесно, неудобно от его громоздкого роста, от его наклоненного сверху смугло-матового лица, окаймленного косыми бачками, от его сочного голоса:

— Да бросьте ее к дьяволу, Галочка, еще блох наберетесь! Нашли, ей-богу, паршака, последнего одра царя небесного, смотреть не на что!

— Так вы разрешаете или не разрешаете, лейтенант? — спросила Галя, глаза ее потухали, а пальцы медленнее и медленнее поглаживали, копошились в дымчатой шерстке кошки, и Никитин, сердясь и досадуя на молчание Княжко, поспешил сказать:

— Возьмите ее и не спрашивайте, если она вам нравится.

— А я говорю — бросьте паршивого блохаря, он вас заразит,— ласково загудел Гранатуров и жарко сверкнул зубами.— Завтра мои разведчики — хотите? — пять, десять, двадцать самых породистых в вещмешках со всего города принесут.

— Серьезно? Двадцать? И можно сто, товарищ старший лейтенант?

— Только прикажите — и все будет выполнено. Сотня разных немецких мурок будет у ваших ног, Галочка! Разведете их в медсанбате, и от мышей одни хвосты останутся.

Она посмотрела исподлобья вверх, на склоненного к ней Гранатурова, на его знойно-ослепительные, крепкие зубы, торопясь, выпустила на пол кошку, сказала с гримасой гадливой неприязни: «Да перестаньте же паясничать!» — и, порывисто запахивая плащ-палатку, вышла в темный коридор, наполненный сонной духотой, бормотанием спящих солдат. Никитин пошел за ней и молча проводил ее до двери, затем по лужайке двора к калитке, мимо неподвижной фигуры часового, окликнувшего голосом оборванной зевоты: «Лейтенант?» Месяц еще не взошел, лишь стояло маленькое зарево на востоке за парком позади кирхи, просачиваясь меж ветвей сосен, и на улице, безмолвно ночной, тихо осиянной оранжевым переливом брусчатника под теплым заревом, в тени низкой ограды, пахнущей водянистой свежестью сирени, он еще раз предложил:

— Я доведу вас до медсанбата?

— Ни в коем случае. Я дойду одна. Я хочу одна. Ну, скажите, кого и чего мне бояться?

Она, поворачиваясь, придвинулась к нему, и необычная в этой застывшей тишине ночи близость ее лица, разительность белой щеки и черного крыла волос опять больно напомнили что-то Никитину, то, чего не было, но могло быть, и это «что-то» звенело в нем тоненьким колокольчиком, словно стоял посреди каких-то далеких лунных переулочков с тенями от деревянных заборов, пахнущих впитанным за день теплом, перегретыми солнцем досками и сыростью апрельской земли в подворотнях. Он молчал, справляясь с мучительно-сладкой спазмой в горле, которая мешала ему сказать последнюю фразу: «До свидания, приходите к нам, на Гранатурова не обращайте внимания»,— и по отблеску ее белков уловил: она смотрела через его плечо на красновато теплеющий восход месяца за вершинами сосен позади кирхи.

— Какая ночь... Помните? «И звезда с звездою говорит...» И там еще чудесно: «Ночь тиха. Пустыня внемлет богу...» — сказала Галя шепотом.— И как далеко мы от дома... И как все грустно. И как все глупо со мной в конце концов!.. Ведь вы все знаете обо мне, правда? А я никогда не знала, я злилась, я смеялась над этим. Как глупо, господи! — Она подергала тесемки плащ-палатки.— Но ничего, лейтенант, это отвратительно, но я справлюсь, я справлюсь, буду укрощать плоть, голодать, как монашенка, и по утрам окатываться холодной водой... И худеть на черном хлебе. И стоять на коленях. Правда, меня с детства не научили молиться, вот беда! Что ж я буду делать? Что же тогда делать? Влюбиться назло в Гранатурова?

Она засмеялась странно, с горькой ожесточенностью, и в смехе этом, во вздрагивающих бровях ему показались слезы, но ее близко светившие из темноты глаза были сухи, горячи, пытались почему-то смеяться над тем, что не имело права быть смешным, а было неожиданностью, от которой не умирают, нелепостью, не случавшейся с ней и случавшейся с другими, чего она даже не могла представить раньше по отношению к себе.

«Зачем она так прямо говорит со мной?» — подумал Никитин, стесненный ее уничтожающей откровенностью, ее насильным сквозь слезы смехом.

— Я этого не понимаю,— сказал Никитин.

— Что понимать? Для чего? Разве это нужно понимать? Ох, какую ересь и чепуху я вам наговорила, лейтенант,— сказала она, запрокинув голову.— Сама я виновата... Идите играть в карты. Это мужское дело важнее всякой женской чепухи. Спокойной вам ночи, Никитин.

— До свидания, Галя. Приходите к нам завтра.

— Не обещаю, лейтенант. Возможно.

Никитин слышал, как зашуршала по ограде плащ-палатка, стала смутно удаляться под нависшей над тротуаром сиренью, и, отчетливо и звучно отдаваясь, застучали по каменным плитам каблучки сапожек. И он закрыл калитку, уже обеспокоенный тем, что могут подумать об его отсутствии, подошел по узенькой в траве дорожке к часовому. Тот переминался около дома, одолеваемый дремотой, рот его раздирала необоримая зевота, доносилось мычание, лающее покашливание; Никитин сказал тоном приказа:

— Часовой! Выйдите сейчас на мостовую и на всякий случай постойте там минут пять, посмотрите, пока врач Аксенова до перекрестка к медсанбату не дойдет.

— Ясно, товарищ лейтенант,— откликнулся часовой, и, переступая в траве, крякая, забормотал дремотно: — Эх, и ночь, звезды-то высыпали, как у нас в России, и месяц всходит. Не для солдат эта ночь, разные мысли в голову лезут...

— Что? — спросил Никитин.

— В такую бы ночь по деревне гулять. Девчата поют, а в полях тихо, только коростель дергает... Домой бы, товарищ лейтенант! — мечтательно заговорил осевшим после долгого молчания голосом часовой.— Вот стоял и думал: скоро, кажись, должно кончиться, шутка ли? В центре Германии мы, а домой когда? Эх, какой красавец на небе-то всходит,— снова сказал он, восхищенно глядя на широко светлеющее и багровеющее зарево над деревьями.— Весна-а... Домой бы, домой...

«Да, да, мы в Германии, и сейчас весна,— подумал Никитин впервые за эти дни вроде бы полностью ясно и осознанно, подхваченный молодым пульсирующим током радости, облегчающим, как счастливые детские слезы, опустошением.— Да, да, конечно, весна, и война кончается!»

Месяц всходил левее силуэта кирхи, показался из горячего бездымного пожара над соснами, отраженно вспыхнул в высоких стеклах колокольни, одна подставленная месяцу каменная стена посветлела, выступила из глубокой тени ограды, и улицы налились прозрачной молочной синевой, еще более загадочной, сгустившей темноту парка, тонкие голубые полосы пролегли по конькам соседних черепичных крыш — и спящий двор, где стоял Никитин, лужайка перед домом, песчаная тропка до самой калитки, прочерченная длинными тенями, застыли под месяцем в неподвижной прохладе травянистого воздуха.

«Ведь я не ранен, не убит, и моему взводу, несмотря ни на что, просто повезло в Берлине, а остальное — пустяки. И все хорошо, все отлично, и вот весна в Германии, и скоро конец войны, и как прекрасна эта лунная ночь в немецком городке, и мне двадцать лет, и все еще будет, все, чего не было...» — подумал Никитин с тем прежним сладко и больно зазвеневшим тоненьким колокольчиком в груди, какой ощутил он возле калитки, провожая Галю, чувствуя сухой блеск ее глаз на своем лице.

Это ощущение прилива молодости, прощающей доброты ко всему, похожей на рвущуюся из души нежность, счастливое ожидание чего-то нового, что было когда-то с ним в золотой поре детства и должно быть опять, предвиденно и скоро, это ощущение ожидания еще не свершившегося в его жизни, томящая готовность к предопределенному войной, неизведанному и радостному, возникали в нем с особенной силой при передвижении в горящие города, незнакомые, не до конца разрушенные, залитые по крышам домов заревом, отсвечивающими красным булыжником мостовыми под колесами орудий, или когда через мелкую сеть дождя размыто проступал в туманце на опушке влажного леса одинокий дачный домик, где, казалось, кто-то жил ничем не измененной, влюбленной верой в нерушимое прошлое, где были молодые прекраснолицые женщины и где в блаженном тепле, ласковом уюте могли встретить и полюбить его.

И под бегущий лепет дождя по капюшону, под чавканье грязи, под всасывающие звуки орудийных колес ему представлялся давний детский сон: какой-то фантастический поезд в золотистой, затопленной закатом степи идет меж густых трав, а он один в чудесно озаренном лиловыми лучами вагоне, испытывая нечто белое, светлое, чистое, стоит у раскрытого окна на душистом ветерке, видит эту совершенно сказочную, неземную, пустынную степь, огромные и нечеткие в первозданной гуще трав шары желтых марсианских цветов, видит ее глубоко дымящиеся желто-пепельным закатом горизонты, с очертаниями таинственных городов на розовых берегах заросших пальмами рек, влекущие таким обетованным обещанием приближенной радости, что ему хотелось долго и сладострастно плакать тогда. Такой степи никогда не было в реальности, и он не помнил, когда снился этот сон. Но он чувствовал его, как неясное и звенящее в нем воспоминание чего-то несбывшегося и счастливого в его жизни.

Продолжение следует.

ЗАПЕВ

Фоторепортаж
М. САВИНА

Весна заявила о себе... снегами. Хотя и зима не сказать чтоб была совсем бесснежной, однако так себе, сыпало помаленьку. А тут сразу — навал!

Заспешили в поле снегопахи — задержать, не упустить этот последний дар метельных дней. Плотный стык получился в нынешнем году у зимы с весной. И столь же бурно, как заснежило, начало и таять.

Весна. Запев года, запев завтрашнего урожая, борьба за который началась, правда, не сейчас, а еще с зимы, точней, даже с осени, но весна — главный разворот трудов сельских.

Не везде природа наделила поле высоким плодородием, и там, где она обошла землю своей милостью, только труд человека может помочь ей. Так вот и тут, в Нечерноземье, на земле вятской, где раскинулись поля колхоза «Ижевский», год за годом идет нелегкий процесс концентрации ресурсов, возможностей и усилий. За этой несколько расплывчатой формулировкой стоит огромная работа партийной организации, правления, специалистов колхоза. Путь преодоления территориальной распыленности — не столь еще давно 54 населенных пункта было в колхозе—таков: намечено все мелкие поселки объединить в семь крупных перспективных благоустроенных центров. Эта работа к концу нынешней пятилетки будет завершена.

Укрупнено и механизировано животноводство — основная отрасль здешнего производства, из пяти запланированных комплексов четыре уже в строю. На подходе и пятый. Строительство — дело не дешевое, но и тут, как говорится, смекалка помогает. Решили, например, увеличить производство мяса, не вкладывая больших капиталов, и придумали — соединить между собой уже имеющиеся животноводческие постройки. А это дает возможность поставить уже в этом году на откорм дополнительно три тысячи голов скота. Чтобы построить для такого количества животных новые помещения, потребовалось бы два миллиона рублей, а так хватит и восьмисот тысяч. Выгода? Умеют в «Ижевском» считать. И поэтому не приходится сомневаться, что возьмут они намеченный ими ближайший рубеж — утроить в будущем году производство мяса. Для этого, правда, придется параллельно укрепить и кормовую базу, но тут у колхоза большой опыт: по части кормов они в Кировской области — образец, к ним учиться едут. Ну и, как всегда и везде, главное — люди, специалисты. И тут дела неплохи. Сумели вот в колхозе создать такие условия, что парни, закончив воинскую службу, возвращаются в свое хозяйство. А это могучая сила — механизаторы! Ведь здесь почти все ребята, оканчивая школу, вместе с аттестатом зрелости получают удостоверение тракториста-машиниста, а во время каникул проходят отличную практику на комбайнах и других машинах, помогая убирать урожай.

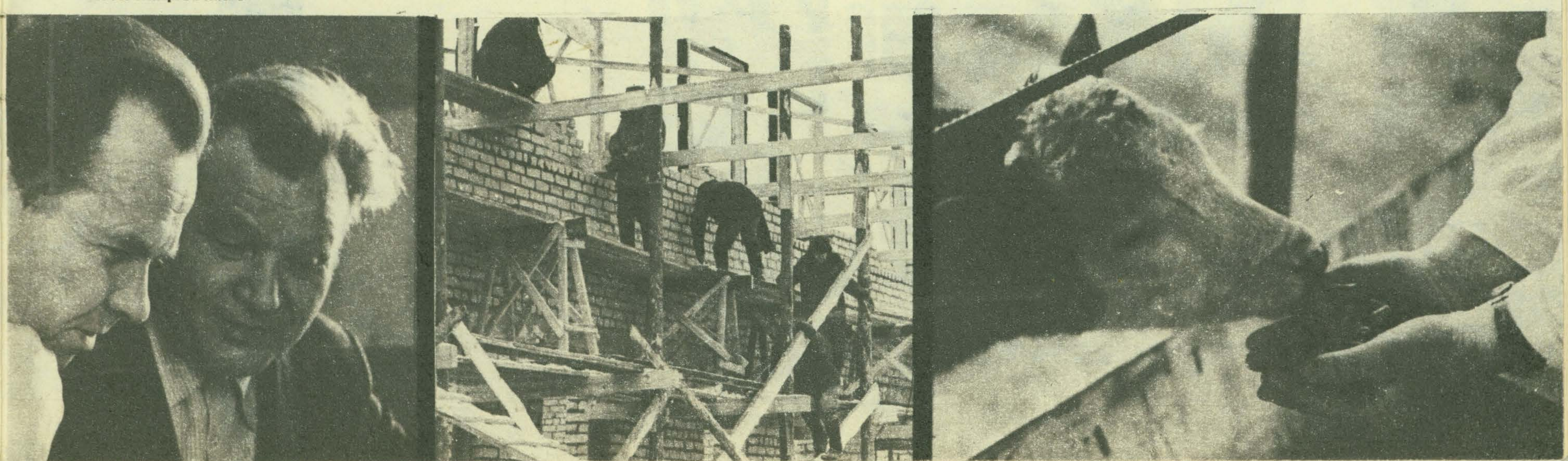
— Женихов у нас хоть отбавляй,— шутят в колхозе.— Вы напишите в «Огоньке», пусть к нам невесты едут, а то на девчат дефицит...

Но думается, что и эта «проблема» решится — сейчас продумываются возможности максимальной механизации и организация труда на фермах, в том числе переход на двухсменную работу всех комплексов. Тогда и девчата охотней пойдут работать в животноводство.

Весна, запев года. Уже доведены до кондиции семена, заканчивается подготовка техники, внесены удобрения. Снег, что был, задержали, а больше уже не будет.

Вот-вот взревут моторы, и ребята выведут на поля свои тракторы. Весна!..

Ю. КРИВОНОСОВ

Первый секретарь Пижанского райкома партии А. В. Надеев и председатель колхоза «Ижевский» А. И. Мациевский.

Строится еще один корпус колхозного завода гранулированных кормов. А вот и его продукция.

Ижевские женихи.

Телятница Ольга Волкова.

Старшеклассники.

ЛЮДИ БОЛЬШОЙ НАУКИ

ШКОЛА СОКОЛЬСКОГО

М. ХРОМЧЕНКО

Взгляд в прошлое, пусть и не столь отдаленное, всегда интересен и познавателен. Более того, бывает необходим. Иначе трудно оценить достигнутое.

Скажем, кого сегодня может удивить сообщение, что селекционеры Казахстана вывели новые породы овец, что на Джамбулском суперфосфатном заводе построен первый в мире цех кормовых фосфатов, что в Институте ядерной физики работает атомный реактор! Или что ныне Академия наук Казахской ССР во главе с ее президентом академиком А. М. Кунаевым объединяет более полутора тысяч академиков, членов-корреспондентов, докторов и кандидатов наук, а республиканское издательство «Наука» ежегодно выпускает более двух с половиной тысяч печатных листов книжной продукции!

Никого! Мы, живущие в нашей стране в семидесятых годах XX столетия, воспринимаем это как само собой разумеющееся. Но если вспомнить, что нынешний Казахстан был одной из самых отсталых окраин царской России, что первые научные учреждения в республике открыты лишь в середине 20-х годов и что накануне Великой Отечественной войны в ее столице работали всего 3 доктора наук и 14 кандидатов!

Первый локомотив жители Алма-Аты увидели в двадцать девятом году, спустя год — первый пассажирский самолет. И хотя пятьдесят лет, особенно в наше время,— срок немалый, согласимся и с тем, что далеко не все годы этого полувека в жизни нашей страны были такими уж обычными и спокойными.

Разумеется, наука Казахстана развивалась не изолированно, а как ветвь могучего интернационального дерева всей советской науки, и только потому столь стремительными темпами. В этом номере мы рассказываем об одном из ее славных представителей, Герое Социалистического Труда академике АН Казахской ССР Д. В. Сокольском.

Знаменитый Н. Д. Зелинский редко присутствовал на защитах диссертаций. Почему же он пришел слушать Сокольского? Не потому ли, что исследования соискателя ученой степени кандидата наук дерзко вторгались в его «владения», а результаты расходились с точкой зрения академика? Об этом знали многие, и термин «защита» обретал свой истинный, первозданный смысл. Так или не так, но Николай Дмитриевич не только пришел, не только внимательно слушал, но и попросил слова.

— Все вы знаете,— сказал он,— что я придерживаюсь иного мнения, нежели коллега... Но я стар и, возможно, несколько консервативен. Поэтому я считаю, что диссертант может и должен иметь свой голос, пусть даже на чей-то слух он звучит диссонансом. Зато бесспорно другое: проделана громадная работа. Сокольский достоин научной степени...

Было это почти сорок лет назад.

А незадолго до защиты Сокольского познакомили с деканом химического факультета Казахского университета Абикеном Бектуровичем Бектуровым. Тот пригласил Дмитрия Владимировича в Алма-Ату.

Академик АН КазССР Д. В. Сокольский и кандидат химических наук К. К. Кузембаев.

— Это далеко?— только и спросил диссертант.

Бектуров пожал плечами:

— Пять суток поездом.

— Я согласен.

Так в двадцать семь лет Сокольский возглавил кафедру, а два года спустя его назначили и проректором. Самым молодым проректором в стране.

Думал ли он тогда, что Алма-Ата станет городом всей его жизни и он, как ученый, будет расти вместе со столь же молодой наукой Казахстана? Что здесь он выполнит и защитит докторскую диссертацию, будет избран академиком и вице-президентом республиканской Академии наук, которая создавалась на его глазах, в послевоенные годы, и недавно отметила свои первые четверть века? Думал ли, что выпускники кафедры, которой он руководил почти тридцать лет, сплотившись вокруг учителя, образуют научную школу, она завоюет не только всесоюзную, но и всемирную известность?

Ни о чем таком он, скорее всего, не думал: в молодости, беспечной от переизбытка творческих планов, далеко не заглядываешь. А планы у него были и впрямь огромные: он хотел создать ни много ни мало единую теорию катализа!.. Именно единую: катализаторы, эти «водители» химических реакций, действуют всюду — от гигантских заводских установок до микрокосма живой клетки. Не случайно еще великий Менделеев утверждал, что без катализа нет жизни!

...В школе Дмитрий Сокольский увлекался математикой, историей, литературой, а решил стать химиком. К этому решению он пришел в последнем классе, когда им начали преподавать курс аналитической химии (был такой когда-то в средней школе). Это надо же: вы берете два вещества, растворяете их, нагреваете, взбалтываете, а они, несмотря ни на что, не желают иметь друг с другом ничего общего. Но стоит погрузить в раствор, скажем, никелевую проволочку, как в колбе начинается бурная реакция, и два упрямца исчезают, уступая место новому веществу. Никелевая же проволочка — о чудо!— сохраняет прежний свой лик, не теряет веса и силы и, кажется, готова до бесконечности соединять несоединимое. Соединять — творить новую жизнь!

Как не понять восхищение школьника, если точно такие же чудеса владели помыслами поколений алхимиков! Задолго до того, как знаменитый швед Йенс Якоб Берцелиус полтораста лет назад впервые произнес слово «катализатор» — «превращающий», они настойчиво искали могущественный «философский камень»— не что иное, как универсальный катализатор. Верили, что с его помощью сумеют любой металл превращать в золото. Увы, упор-

А. Интезаров. Род. 1909. УТРО МИРНОГО ДНЯ. 1973.

Б. Окороков. Род. 1933. НА ГРАНИЦЕ. 1963.

ство этих рыцарей таинственных лабораторий, насыщенных жаркими ароматами «дьявольских» реакций и дурманящих надежд, так и не было вознаграждено! Но дело свое они сделали: накопили исходные данные о химической природе многих веществ.

Не сравнить аппаратуру современных производств с тиглями и колбами средневековых магов. Только одно их и связывает: неизменный и даже все возрастающий интерес к катализаторам, хотя не золото и не драгоценные камни стремятся получать с их помощью сегодня. Стремятся перерабатывать нефть — 200 миллионов тонн в год! Очищать от вредных газов выбросы автомобильных моторов, металлургических и химических заводов. Синтезировать новые вещества. Наконец, разработать способ, посредством которого можно было бы из двуокиси кремния (обыкновенного песка) и алюминиевых окислов, в изобилии лежащих на поверхности Луны и планет, добывать кислород и энергию для постоянных баз, где будут жить и утверждать могущество человека XX или XXI века посланцы Земли!

Вещества, отвечающие за все эти процессы, давно лишены мистических покровов. Их сплющивали, растягивали, сверлили, истирали в порошок, превращали в губку, истончали до микронной «тоньшины», накаливали, сжигали, подвергали электролизу, замораживали, облучали. Все дальше и вглубь к сокровенному механизму катализа двигались химики, освоив физические и математические инструменты познания и обобщений. Но чем больше накапливалось сведений, тем яснее становилось, что старый знакомый продолжает хранить главные свои секреты. Он помогал человеку получать больше готового продукта с меньшими затратами сырья, энергии, рабочего времени. Но никто из ученых не мог предсказать, как будет вести себя всякий раз в новых условиях тот или иной катализатор, в какую сторону повернет синтез, какой предложит темп.

Однажды, было это в годы первой мировой войны, немецкие ученые срочно перепробовали чуть ли не всю таблицу Менделеева: Германия оказалась отрезанной от ресурсов селитры, а без нее нельзя получать порох. Другое сырье требовало иного «руководителя».

То была безвыходная ситуация. Но можно ли мириться с подобной практикой спустя полвека, в эпоху научно-технической революции, когда в промышленности требуются сотни дешевых, мощных, долговечных, избирательно действующих катализаторов? Например, один, чтобы отделить от ацетилена этилен, и совсем другой, чтобы очистить от ацетилена бензин. А химики и сегодня всякий раз тратят силы и время на поиски вслепую, руководствуясь, словно в детской игре "горячо-холодно», методом бесконечных проб и ошибок, методом «тыка», как называет его Сокольский.

Так что до единой теории было еще очень и очень далеко. Сначала надо было решить куда более «скромную» задачу — понять, что происходит в момент реакции на поверхности любого катализатора, за которую, как за жизненный плацдарм, сражаются конкуренты, кто из них и при каких условиях побеждает. От этого все и зависит. Но как, с помощью какого инструмента, какой «рентгеновской» установки проникнуть в самое «пекло» реакции?

Не сразу вышел на верный путь Дмитрий Владимирович. Такое не по силам одному, будь ты хоть семи пядей во лбу. И он настойчиво готовился к будущему, воспитывая учеников и считая это на первых порах едва ли не главной своей задачей. Как правило, они приходили к нему третьекурсниками, слушали его лекции, выполняли под его руководством курсовые и дипломные работы. Кафедра ежегодно выпускала до пятнадцати каталитиков: если подсчитать, около четырехсот пятидесяти уже наберется. Наиболее способные шли к нему в аспирантуру. Так росли Клара Джардамалиева, недавно сменившая учителя на кафедре, Гаухар Закумбаева, его, директора института, заместитель по науке, Анатолий Фасман, Нина Попова, Яков Дорфман, Марьям Ержанова, Надир Надиров, Алла Пак и другие кандидаты и доктора наук. Они возглавляли кафедры, институтские и заводские лаборатории в Москве и Ленинграде, Калинине и Краснодаре, на Дальнем Востоке, во многих городах Казахстана и, разумеется, в Алма-Ате, где, как сказал на юбилее республиканской академии М. В. Келдыш, были сформулированы «основные принципы предвидения каталитического действия и получения катализаторов с оптимальными характеристиками».

Так складывался коллектив единомышленников, исповедующих единое научное мировоззрение, подходы к исследованию.

Что влекло молодежь к нему? Эрудиция? Высокая, прежде всего к самому себе, требовательность? Доброжелательность? Разумеется, привлекало и это, но главным, пожалуй, была его предельная объективность в науке, то, что сам он называет историческим принципом.

— Недавно ко мне пришла выпускница университета, весьма уважаемого в нашей стране. Спрашиваю ее, что она знает о работах Баландина. Отвечает: нам называли его фамилию. Называли!.. А это ученый, заложивший основы будущей теории катализа. Спрашиваю о других — о Рогинском, Писаржевском, Волькенштейне. Что-то слышала, но и только. Кобозев? Даже не знает, кто такой. Что же вы знаете? Современную теорию катализа. Ой ли? Современная теория — всего лишь точка на кривой. И чтобы знать, по какому пути будет развиваться наша наука, да и любая вообще, необходимо знать эволюцию взглядов. Без истории нет науки — это аксиома. Поэтому в лекциях я последовательно излагаю все «за» и «против» любой теории, какому бы автору она ни принадлежала, и только в конце курса излагаю свои взгляды. Да и то добавляю, студенты вольны, что называется, выбрать какую угодно теорию — с одним, но обязательным условием: подкрепляя свою позицию научными доказательствами...

Он добывал их в десятках, сотнях экспериментов, и только такие доказательства имели в его глазах цену, равняли всех — студента, лаборанта, инженера, академика.

— Я часто повторяю своим сотрудникам: то, что вы стали кандидатами или докторами наук, означает лишь, что вы добились определенных преимуществ в организации работы. Когда мы подводим итоги года, я не стесняюсь признать, что лучшей была работа студента. Не улыбайтесь, это не для красного словца и не для того, чтобы подстегнуть тех, кто ленится. Я убежден, что нынешняя молодежь, дайте ей хорошего руководителя и современную технику эксперимента, способна на многое. Год назад Ученый совет нашего университета выдал диплом только за то, что парнишка собрал аппаратуру, в которой крайне нуждалась кафедра. А другой выполнил исследования, обобщения которых составили две статьи, опубликованные не где-нибудь — в Докладах Академии наук СССР!..

Дмитрий Владимирович всегда любил работать с молодыми. Не повязанные на года вперед рассчитанными темами и планами, не успевшие обжечься на отрицательных результатах, утвердиться в скепсисе, осторожности и пресловутом здравомыслии, они готовы принять любую, даже абсурдную идею (тем интересней!) и рисковать. А еще он стремится к молодежи, потому что она умеет слушать и понимать собеседника — не соглашаться, нет, яростно спорить и опровергать, но при этом относиться с уважением к чужому труду, не ею полученным результатам.

Сокольский говорит об этом с горьким знанием дела: как каждому ученому, ломающему укоренившиеся представления, ему немало пришлось претерпеть от любителей спокойной жизни в науке — ученых и людей калибра Н. Д. Зелинского не много было во все времена. И за метод свой, первый из многих (впрочем, за другие тоже), заложивший фундамент теории Сокольского и базу исследований его школы, он провоевал долгие годы.

Задача формулировалась так.

Диагноз рабочим качествам катализатора — его мощности, избирательности действия, долговечности — можно поставить, определяя, как меняется его электрический потенциал во время реакции. Академик А. Н. Фрумкин предложил способ такого определения для компактных металлических катализаторов-электродов. Но сфера их применения ограничена — ведь реакция идет на поверхности «философского камня»: чем она больше, тем значительнее результат. И потому самые эффективные, наиболее распространенные катализаторы — порошки. Простой расчет: один грамм платины может дать 50 квадратных метров поверхности (дорогих метров), тогда как такой же грамм угля — в двадцать раз больше. Но как снимать потенциал с каждой крупинки? Уж не прикажете ли к каждой подводить металлическую проволочку?

Дмитрий Владимирович и его первый аспирант, ныне доктор наук В. А. Друзь идут на хитрость: из металлической сетки они делают мешок, загружают в него порошок очередного катализатора, погружают всю эту систему в раствор, запускают реакцию и начинают снимать потенциал. Все было прекрасно до того момента, пока экспериментаторы не заметили, что порошок давным-давно выпал из мешка-сетки. Неудача? Увы! Так, во всяком случае, посчитали оба сгоряча. А потом Сокольский спохватился: почему неудача, отнюдь, ведь потенциал на сетке ни минуты не оставался без движения. Значит?.. Следует ряд умозаключений, серия опытов. Сетка «сужается» до тоненькой проволочки, сосуд, в котором идет реакция, непрерывно встряхивается. Потенциал меняется строго по графику. А из этого следует: крупицы порошка ударяются о проволочку столь часто, что навязывают ей свой потенциал. Электродом становится вся система.

А потом соавторы написали статью и послали ее в «Журнал общей химии». Из журнала статью вернули, сославшись на то, что... этого не может быть, потому что этого не может быть никогда. Поддержал алмаатинцев академик Фрумкин, но его поддержки оказалось недостаточно — началась длительная борьба. Впрочем, я говорил уже об этом. Добавлю лишь, что закончилась она полной и безоговорочной победой Сокольского, который, двигаясь дальше, продолжал отвоевывать для науки и промышленности новые рубежи. Главной же стала возможность предвидения действия катализаторов, сознательного их поиска, повышения долговечности и эффективности.

«В крае, где не бытовало само понятие «ученый», ибо их по существу не было, ныне плодотворно работают свыше 200 научных учреждений»,— говорил, выступая в Алма-Ате в августе семидесятого года, Леонид Ильич Брежнев. Одно из них — Институт органического катализа и электрохимии Казахской Академии наук, открытый пять лет назад, ядро школы Героя Социалистического Труда Сокольского, прочными и многочисленными орбитами связанное с десятками, а может быть, сотнями научных учреждений и предприятий, отечественных и зарубежных. Кстати сказать, об исключительном интересе зарубежных специалистов к методам алмаатинцев свидетельствует хотя бы то, что первая же монография Дмитрия Владимировича была незамедлительно переведена на английский язык. Сам автор узнал об этом совершенно случайно спустя несколько лет: кто-то из учеников увидел в американском химическом журнале ссылку на книгу учителя, переизданную в США.

Последние годы Дмитрий Владимирович уже не экспериментирует — непосредственно, руками, ограничивая себя генерированием идей, общим руководством, воспитанием (его неизменное пристрастие) научной молодежи. И не потому, что ему за шестьдесят. Он и директор института, и научный руководитель кафедры университета, и заведующий лабораторией, и первый вице-президент академии, и член четырех научных советов Госкомитета по науке и технике, депутат и член Президиума Верховного Совета Казахской ССР. Нетрудно представить себе, сколько времени занимают у него эти обязанности (я не назвал всех). Он не уклоняется ни от одной, составляя, как и прежде, свои пятилетки, скрупулезно отмечая выполненное и «долги».

И только в минуты усталости мечтает: вот подожду еще года два-три и максимально освобожусь. Пора садиться за главную монографию, пора подводить итоги: вывести, сформулировать и подкрепить неопровержимыми доказательствами (сколько их накоплено за прошедшие годы) свою теорию катализа!..

Николай ГРИБАЧЕВ

РАССКАЗ

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА

КОСОЙ ФАЮК

И перешел Косой Фаюкин в группу разведчиков. Сказал бы кто раньше, что так получится, хмыкнул бы, постучал пальцем по виску — мол, в голове клепки рассыпались, ветер свистит. А вот случилось, и спроси, каким образом до того додумался, не знал бы, что ответить. Только и маячила в памяти слышанная где-то поговорка — «На пиру пляши, в поле паши». Значит, делай то, что ко времени. Лежа под серым байковым одеялом, поверх которого натягивался еще полушубок, слушая незлобивое, ровное гудение лесной вьюги, пытался представить дороги, по которым пойдет, людей, которых увидит, и — не мог. В глазах все вставало желтеющее, чуть словно бы дымное поле ржи, уходящее на холм к закату, какой-то особенно звучный бой перепелов после дождя, мокрые девчонки, с хаханьками и взвизгами бегущие с припаромка к селу, старик Кубаньков, костлявый, длиннорукий, подставлявший на завалинке солнцу высохшее лицо с желтоватым волосом, бубнивший: «У людей жизнь на довольство пошла, а моя к погосту приклоняется». Или тихое в росистом утре село, трубы с прямыми дымами, дальнее постукивание трактора и дразнящий запах яичницы на сале. А ничего этого там, куда он собирался идти, уже не было — были гитлеровцы, полицаи, слепые, без единого огонька, села в зимней мгле. Ну что же, придется привыкать. Михайло Кузовков, узнав, куда он собирается, вздернул брови, покачал головой:

— В герои подаешься? А на пилке пыхтел, в пояснице переламывался.

— Там не поясницей работать надо — головой.

— Поймают, заголят — и пояснице достанется.

Помолчал, вздохнул:

— Шучу. С тобой привык, другого напарника дадут — еще неизвестно, что выйдет. Сапоги справные скинь, Матрене отдай — там с ногами оторвут. Резиновые рваные есть, подлатаю скорым манером, в суконных портянках способно будет...

И начались для Косого Фаюкина крученые дороги, по которым иди да головой крути — не споткнуться бы, не сунуть ногу в волчью яму. Исчезал он из лагеря незаметно, чаще всего среди дня, возвратившись, на расспросы в землянке похмыкивал:

— У тетки одной в гостях был.

— Самое время тебе по теткам ходить. Года посчитай.

— Кто умеет, тот и ходит. Другой и в молодых годах от девок одни кукиши видит.

— Поглядеть на тебя, не такой уж ты по женской части добытчик.

— От голодухи не помирал.

Действовал Косой Фаюкин расчетливо, с прикидкой, ходил большаками и битыми дорогами — меньше подозрений, открыто идет человек, не таится, совесть чиста. На подходах к деревне, присев на пригорке, жуя мерзлый хлеб, слушал, всматривался — не гудят ли машины, как лают собаки, когда и сколько топят печки? Если немцы расквартированы, дров жгут много, хотя бы и яблони рубить на это; для себя топят скудно, на горбах лозняк таскать приходится, у баб спины посбиты до крови. Вжился в роль бобыля, у которого вся семья пропала,— таких мало ли война наплодила — болезного, от всех дел отрешенного. Лишь бы как-нибудь прожить. В разговоре, какой бы и где ни выпал, еще ниже свешивал к правому плечу голову, пояснял — на тридцать шагов человека от скотины не отличает, родился таким. Когда пускали ночевать во вдовьи дома, где малые дети и старики, а хозяйка выбилась из сил, ходил и за лозняком, таскал воду в запас, доверху наливая кадки, делал, что мог. Если кто-нибудь, доведенный до отчаяния, начинал жаловаться, что жить уже и вовсе невозможно, хоть своим ходом на погост, сочувствовал, но говорил осторожно:

— Не нашим умом завязано, не нашим развяжется.

— Погибает народ, на нет переводится.

— Народ — он как лес: один рубят, другой растет.

— Наших, говорят, на фронте всех побили.

— А воюют с кем? Вот никак тоже не пойму — всех побили, а война идет...

Про немцев, полицаев, про всякие дела сам не расспрашивал, а когда такие разговоры вели при нем, молчал, будто это его не касалось или давно надоело. Слушал, глядел, думал. Записок не делал, и не потому, что опасно — хотел бы, так не смог по малограмотности. Карту понимал смутно, маршрута своего показать не умел. Вернувшись в штаб, просто рассказывал, что видел и слышал, и проявлял в этом такую связность и последовательность, что удивлял. Был грех, по первости часть одного маршрута проверили — все совпало, как на фотографии. Командир сказал Косому Фаюкину:

— Толково работаешь, надежно. Только голову береги, не подставляй без надобности.

Косой Фаюкин пропускал предостережения мимо ушей, наслушался уже, просил рассказать о делах на фронте, напоминая всякий раз, что там у него два сына. Делился своими наблюдениями:

— О том, как гитлерюков под Москвой прижгли, слух повсюду прошел. Оживились люди — значит, есть еще сила. И не скажут другой раз, а по глазам видно — вознадеялись опять. Грамотки бы им сунуть, разъяснить, хоть и я бы ронял при дороге.

— Грамотки! — пожал плечами командир.— Газету с тетрадочный лист на бересте печатаем, а много ее надерешь? Да тебе и думать о том нечего, свое делай... С грамоткой такой поймают — на первый сук без разговоров.

Так кончилась зима, минула весенняя распутица, когда сидели, ото всего отрезанные водой — на реке трехкилометровый разлив, лесные речонки и ручьи набухли, зашипели пеной, подтопили ольховые заросли, вылезли длинными языками в лощины. Даже болота, заполненные паводком, засияли небесной голубизной, и только верхушки камышей, сухие, ржавые, напоминали об осени и грустно шелестели под теплым ветром, который им уже ничего не обещал. В небе, по белизне кучевых облаков, обрисовывался журавлиный строй, по ночам слышался крик гусей, свист утиных крыльев — птицы, несмотря ни на что, возвращались к родным местам, и было в этом что-то вечное, неистребимое, ликующее. Только люди в лесу не могли сделать этого. Повеселевшие, отогревающиеся от зимних стуж, были заняты своими хлопотами — километров на восемь правее, где было суше и удобнее, строили новый лагерь, на косогорчиках полян, на пригреве, разводили лук, женщины под лопату торкали в землю картофельные очистки в надежде, что земля будет доброй, вознаградит. Котловое довольствие стало посытнее — хлеба поменьше, зато добывали птицу, особо удачливые даже тетерева или глухаря.

Косой Фаюкин, как все, работал в эту пору на обустройстве нового лагеря. Немного поправился, посвежел, носил свои сапоги — Михайло Кузовков осоюзил их, сделал как новые.

— А побираться опять или к теткам пойдешь,— подмигнул, похохотал,— так лапти обувай. По лету для такого дела лучше обувки нет — и ногу не запарит, и завидущего в грех не введет. Илья Муромец вон каким богатырем был, а тоже в лаптях ходил, сам в книжке видел. Только вот плесть умеешь ли — на каком лыке правую пятку заламывать?

— На втором?

— А не врешь, не на третьем? Советская власть отучила от лаптей, а Гитлер обратно учит. Вот увидишь, скоро всех переобует. Так что покажи пример.

Пошутил Михайло Кузовков, а и дело сказал — надрал Косой Фаюкин лыка, липника кругом внавал, попросил кузнеца отковать свайку, подсказывать пришлось — тот, городской, не знал. Лаптей, неказистых, без настоящего умения, сплел две пары, одну для жены — на кухне топотни много, а сапог новых не жди, к зиме поберечь надо. Иногда в сумерках сидел с ней рядом на бревне, смотрел, как меркнет лес, наливается синевой. Разговора особого не получалось, все, с чего ни начни, поворачивалось на дом, на сыновей — что с ними, где бедуют? Хоть бы о том узнать, живы ли. Да откуда? Закольцованы со всех сторон, из отряда в отряд записки носят, на том и край света.

— Им, сынам, ничего,— утешал Косой Фаюкин.— Паек казенный, шинель, обувка. Да пушки при них на фронте, самолеты тоже. И при своих опять же... Им ничего!

— Под смертью ходят.

— Под смертью, под смертью... Нашла новость за печкой! А у нас тут не ходят? Скольких побили да покалечили. По селам людей уничтожают ни за что, а которые и живы, так куда ни хвати — шаром покати. Пришла беда — не денешься никуда, каждому по-своему, а всем до горла.

— Да понимаю я. А матери все слезы.

— Ну, поплачь где в уголке, других не растравляй.

Жена и правда в последнее время стала чаще плакать, прихварывала. С лекарствами было плохо, что и добывали — в обрез для раненых. Делали хвойные отвары, на березовых, на кленовых почках, а с теплых дней — на сонтраве, по-местному бобриках — высыпали на проталинах по взгорышкам, посвечивали синим и розовым. Ждали, когда развернет лист малина — верное средство, можно б летом запасти, не додумались. Считали, что крестьянской жизнью всему научены, а вышло — доучиваться надо.

Партизанские дела тоже шли по-другому, на огромной лесной площади, в сотни километров, налаживалось единое командование, из отрядов создавались бригады, устанавливалась прочная связь с Москвой. Но и забот прибавилось, задачи стали посерьезнее. Лето предстояло жаркое, тревожное, полыхающее огнем. В самом начале его, как только вода втянулась в берега, снова отправился в свои странствия и Косой Фаюкин. Земля прогрелась, перестала знобить подошвы, шагал босиком — лапти, простиранные онучи, куски и объедки хлеба, завернутые в холстинку, в кошеле за плечами, на суковатой палке. Было в его ширококостной, сутулой фигуре, в лице, в неторопливости, в том, как держался и разговаривал, какое-то особое достоинство нищенства поневоле. Когда задерживали для проверки, не суетился, не заискивал, смотрел спокойно косящими глазами, отвечал на вопросы ясно, иногда по-сельски грубовато.

— Чего шатаешься? — кипятился какой-нибудь полицай с напускной самоуверенностью, которой у него на самом деле не было давно.— Выглядываешь? Может, шпионишь?

— Подвело б живот к становому хребту, и

Окончание. См. «Огонек» № 13.

ты б шатался. И жить хуже некуда, и смерть страшит.

— Дома бы сидел.

— В моей хате матицы остались, чтоб повеситься, да амбар, в котором мыши от голода друг друга поели. Хочешь — сходи да погляди.

— Семья где?

— Сынов в армию угнали по первой неделе войны, с женой на болото убег от бомб спасаться, там и похоронил ее. Тронулись под осень выходить, а черт, что ли, туману напустил, закрутились на одном месте. Ее в животе переломило, от кореньев каких, должно быть. Ели абы что, землю по-свински рыли. При могилке сосну затесал, найду ли потом, нет — богу известно.

— Так дуракам и надо — чего бежал?

— От страху и бежал. Не знаешь, что ль, как бывает?

Полицай посмеивался, запускал пробу:

— По своей Советской власти, небось, воздыхаешь?

— Воздыхать по ней чего, не девка... Кровь и ей и колхозу портил, может, что и по дурости. Батька на язык суковат был, мне оставил. А жить, врать не буду, в последние годы можно было, хлеба и картохи хватало. Обнадеживалось, что и лучше станет, а вон что вышло.

— Брюхом и думаешь — «хлеба», «картохи». Жизнь на том кончается, что ли?

— На чем она кончается, про то еще не узнал, а как есть нечего, и узнать недолгое дело.

— Ладно, проваливай...

Эта прямота и сбивала с толку, спасала. И старосты, и полицаи, и немцы уже привыкли, что многие неповинно задержанные от страха путались, частили словами, льстили, порой даже выдавали себя за противников Советской власти, навлекая тем большие подозрения. Зато партизаны, когда попадались, поносили Гитлера, ругались, обещали, что Сталин его обязательно повесит самолично, а за одну компанию их, полицаев и старост, тоже. Косой Фаюкин не походил ни на тех, ни на других, шел по большим дорогам открыто, говорил без боязни и подобострастия. Немцы презирали русского мужика, считали его примитивным, когда все лежит на поверхности, не подозревали, какую цену придется заплатить за самоуверенность; полицаи, которые уже начинали смутно догадываться, что, кажется, поставили не на ту лошадь, жили в страхе и не могли предположить в нищенствующем, старом человеке того, чего не имели сами. Молодые, особенно из комсомольцев — те идейные, а этому за что голову класть? И Косого Фаюкина отпускали. В одной комендатуре под Красным Рогом хмельное по случаю праздника начальство, пребывая во благодушии и потешаясь, выдало ему даже специальный пропуск на право побираться.

— Это есть самый лучший паспорт! — заходился смехом рыхлый, в роговых очках комендант, добряк по виду.— Исторический документ!

Косой Фаюкин сдержанно поблагодарил, спросил, действителен ли пропуск в других селах. Комендант подтвердил:

— Мои коллеги будут хохотать и говорить: иди дальше ко всем свиньям!

Между тем лето уходило, закат перестал переглядываться с рассветом, темнело все раньше, в полях и в лесу оседала тяжелая, глухая роса. Партизаны уже и на правобережье, где пролегали главные пути Косого Фаюкина, рвали железнодорожное полотно, постреливали по одиноким машинам и мотоциклистам, повесили несколько особо лютовавших старост и полицаев. А осенью и на киевской и на гомельской дороге пошли под откос десятки эшелонов, и не со скотом, как когда-то, а с вооружением и солдатами. Ночи потянулись чернильные, с низко летящими облаками, с шумом ветра и опадающей листвы, хлюпали, бубнили ручьями; в мешанине тьмы, дождевых проливней, разноголосицы звуков среди лесной глухомани немецкие гарнизоны и охранные посты все больше начинали чувствовать свое бессилие. Забеспокоилось и высокое начальство: чтобы покончить с партизанами, действия которых грозили параличом двух важных магистралей, в крайнем случае загнать в непролазные чащи и заблокировать,— пусть поедают друг друга,— командование стянуло в округу крупные воинские части, сформировало карательные группы, вооруженные артиллерией и минометами, намереваясь, когда замерзнут реки и озера, двинуть их в леса. Села на правобережье тоже зажимали в тиски, хватали по первому подозрению, расстреливали и вешали.

Косой Фаюкин, наколесив по округе более трехсот верст, немало повидав такого, о чем следовало доложить, уходил с правобережья в конце ноября. Обулся в лапти с онучами из старого зипуна, грубоваты, но греют; с одежкой хуже, одинокая бабка — две дочки эвакуировались с колхозным стадом, старик помер, сама не надеялась дотянуть до нового тепла — дала перелатанную поддевку, которая на пуговицах не сошлась, подвязал сыромятным ремнем, а все и сзади поддувает и спереди прохватывает. Шел уже не в открытую, а таясь, по ночной поре, глухо стонавшими лесками и ложками в обход деревень.

До реки, за которой в двух верстах вольные места, только по луговым лознякам до взборья проскочить, добрел перед рассветом, залег на круче в размоине. Над головой висело ровное серое небо, сеяло, завивало на ветру редкий снежок, от глинистых, в трещинах, стенок промоины несло могильным холодом. Казалось, мерзнут уже не руки и ноги, а стынут где-то в глубине, превращаются в лед внутренности и кости. Туманившимися от сле-

зы глазами высматривал — река внизу, глубокая, тиховодная, уже стала, схватилась льдом от берега до берега, но, по всему судя, был он еще слабым, ненадежным. Чудилось — лег наискосок по тонкой серой порошн лисий ли, заячий ли след; хорошо, если б так, зверь ходит с понятием. Да чего там не получись, идти надо, попятного ходу нет.

В сумерках, дымивших поземкой, спустился к берегу, деревянными, закоченевшими руками, обдирая кожу и не чувствуя боли, сломал две тонкие березки, опираясь на них, пополз на животе. Тонкий лед, пружинистый по морозу, прогибался, потрескивал, и Косому Фаюкину мгновениями казалось, что вот и все, начинает проваливаться, уходит в черную воду с илом и корягами на дне — он знал этот мрачный плес, когда-то ловил тут сомов, нырял, выпутывая снасти. Но это было давно, по летней теплыни, теперь, если возьмет, обнимет смертным холодом, не отпустит. И никто не узнает, куда девался, где нашел могилку. Однако березки держали, и лишь у самого противоположного берега провалился на быстринке — заторопился, встал на ноги до времени. Ухнул по грудь, ледяная вода обожгла, оглушила; выматерившись сгоряча, подумал: теперь, сколько сил, надо бежать, а то быстро скрючит, повалит намертво.

На взборье выполз чуть живой, дышал со свистом, по лицу размазана кровь — подрал в лозняках, они на морозе как проволочные. Но немного отогрелся. Еще часа через полтора добрался до передовых дозоров, оттуда в лагерь отвезли на лошади; в землянке, стуча зубами, бессильно повалился на нары. Вскипятили котелок малинового отвара, поили, пока не закапало с подбородка, накидали поверх одеяла всякую одежду — не успел сказать спасибо, провалился в сон. Потом, уже за полночь, временами заходясь кашлем,— купание не прошло даром,— рассказывал командиру и комиссару о том, что видел и слышал. И не закончил — сморило, швырнуло головой на стол, пришлось продолжать утром. Командир положил руку на плечо, сжал:

— Умаялся, как конь на лесовывозке. Кость шкуру продирать начинает. А поработал хорошо, наградную на медаль писать будем, теперь к нам самолеты из Москвы ходят. Отоспись сколько душа возьмет, потом другое дело поищем.

— Это почему другое? — насторожился Косой Фаюкин.— Или что не так?

— Так, все так. Только сейчас на правый берег людей пускать не будем, обойдемся теми, что есть. Там теперь, сам знаешь, мышь не проскочит, карателей нагнали. Ну и новости есть, которых не знаешь. Вот пусть комиссар расскажет.

Комиссар, бывший преподаватель литературы в техникуме, с худым, бледным лицом, тихий голосом, но страстный, яркий воображением, говорил об окружении немцев под Сталинградом, о боях на Дону, о героизме и возросшей вере в близкую победу: «Там, над Волгой, солнце наше из туч выходит, народ от зимы отогревает». Вспомнил гражданскую войну, интервенцию: «Небо пеплом бралось, голод вдоль дороги мертвых рядами стелил, а мы — вот они, живы!» Косой Фаюкин отворачивался к печке, прятал влажнеющие глаза — наверное, сказывалась и усталость, но в первый раз слышал он слова, которые, казалось, можно было и видеть. Думал — оно и правда, захочет народ, землю перевернет. Прежде, по стародавней привычке, считал, что народ — это люди села, сходка, собрание — «народ решил». Поговорили и разошлись по своим делам. Тут же выходило — громада, сила непостижимая. Хоть и копошатся, где пришлось, в разных местах, не счесть и не обойти, а всяк под один кряж плечо подставляет — и те, что под Сталинградом, и те, что где-то в тылу делают пушки и танки, и вот они с комиссаром тут, в землянке. Это новое чувство каждоминутной связи в общем деле с великим множеством людей, даже тех, которых он не знал в лицо и никогда не узнает, волновало, бодрило. Правду говорят — счастье глаза застит, беда острит.

— Ваныч, командир, отоспаться велел,— сказал Косой Фаюкин.— Так сон не хлеб, на год вперед в закром не засыплешь.

— Это к чему же речь?

— Работу мне надо. А за душевное слово и благодарить не знаю как.

Перед вечером Косой Фаюкин нашел Михайлу Кузовкова. Тот на пилке дров уже не работал, сидел в отдельной маленькой землянке, орудовал шилом и дратвой. Землянка врыта в обрыв при ручье, над ней столетняя разлатая, выросшая на просторе сосна, скрипит нудно, тропку сухими шишками закидала. Усмехнулся мимолетно — готовая топка для самовара, а самовара и нету. Михайло Кузовков обрадовался, вскочил, засуетился, ковыряя деревяшкой земляной пол:

— А я уж думал — не в зятья ли где пристал? Нетути и нетути.

— Одна приворожила, да спать с собой не положила. Ты вот, гляжу, богато живешь, отдельные хоромы завел. Гляди, Советская власть придет — раскулачит.

— Тю-ю! — присвистнул Михайло Кузовков.— Отстал ты, в примаки присватываясь. Есть уже у нас Советская власть, почитай что целиком три района.

— Бреши больше.

— Я тебе не барбос, чтобы брехать,— обиделся Михайло Кузовков.— Есть — значит и есть. И раненых от нас в Москву увозят. А нам автоматы и лекарства шлют.

Вздохнул:

— Только бои кругом что днем, что ночью. Помнишь, Федор Шлыкин посмехался над тобой? Убило его недавно, с коротким шнуром немецкий эшелон рванул. А Саньку Кондратова, из вашего села он, в бою срезало. Ты-то как?

— Да вроде тебя,— устало усмехнулся Косой Фаюкин.— Мины не ставлю, из пулемета не стреляю, чай пью да песни пою.

Шел он к Михайле Кузовкову побалакать, пошутить, душу отвести, а разговор почти сразу перетек на воспоминания о смертях, ранах, пропавших без вести. О том же говорили и по селам, где он ходил, думалось в неприютные ночи на чердаках, куда, подальше от греха, забирался спать даже осенью,— горько пахло сеном, скошенным еще до войны, на улице сипел по стрехам ветер, капала, капала холодная вода, а перед глазами вставали виселицы, бесчисленные могилки с хилыми крестами, а то и вовсе голые, ни кустика, ни травки, одна рыжая глина. Михайло Кузовков, будто почувствовав состояние Косого Фаюкина, вздохнул:

— Чего поделать, такое случилось время, что смерть каждого за полу держит, под себя гнёт. Я сперва, когда убивали кого, днями сам не свой ходил, все жалел. А теперь только в грудях ноет и ноет. И думаю про одно: дожить бы до того, когда бы гитлерюкам все отплакалось,— это теперь мой главный интерес. На злости, почитай, и держусь, здоровья осталось — в щепоть захватить.

— Ну, держись,— угрюмо сказал Косой Фаюкин.— А я пойду. Ужин отбудут, с Матреной побалакаю.

Жена его, которая всю жизнь, с девичества, была плотной, дебелой, понятия не имела, что такое хворь, сильно похудела, ссутулилась, в темных волосах, выбившихся из-под старой шали, светила седина. Припав головой на его рукав, чего раньше никогда не бывало, она только плакала и просила никуда больше не уходить — про сынов ничего не известно, вдруг и он где пропадет, останется она на старости лет совсем одна на белом свете. Косой Фаюкин растерялся, неловко поглаживал ее ладонями по голове, бормотал:

— Будет тебе, Матрена, слышь? Пришел же я, слышь? И не собираюсь никуда, тут побуду...

Но, утешая и обещая, не верил в это сам, чувствовал, что никогда не сможет на покое и при безопасности работать в лагере — идут на рискованные дела, воюют и умирают даже мальчишки и девчонки. Им-то легко разве? Он хоть пожил, все одно край видать. И в начале января снова стал напрашиваться в разведку. За это время бригады, сами неся немалые потери, отбили натиск карателей, а командование отряда получило задание провести крупную операцию по уничтожению большого, многопролетного моста через реку и разгрому гарнизона станции.

— Не хотел я тебя в трату пускать,— сказал командир Косому Фаюкину.— И так сослужил свое не по годам. Ну, если уж сам набиваешься,— иди. Нам-то знать побольше надо, что там.

— Ничего,— сказал Косой Фаюкин.— Обернусь.

Начал он маршрут осторожно и удачливо, проскользнул через железную дорогу между мостом и городом, потолкался в прилегающих селах, узнал много. Среди прочего и то, что немецкие части поредели, гарнизоны стали пожиже, словно кто прочесал их железным гребнем. О переброске немецких войск на юг, где после Сталинграда у немцев дела шли хуже некуда, в штабе знали, это чувствовалось даже по ослаблению нажима, но каждое конкретное подтверждение, к тому же вскрывающее новую дислокацию, имело большое значение для планирования операций. Поэтому возвращения разведчиков ждали с нетерпением, в том числе Косого Фаюкина.

Но он не вернулся.

Пройдя около ста верст по маршруту, полукольцом охватывающему мост и станцию, он почувствовал недомогание. Его бросало в жар, ломал кашель, одинокая березка у росстаней двоилась в глазах, снежная дорога из-под ног проваливалась в мутное марево, по которому то тут, то там вспыхивали искры. «Свалюсь! — думал Косой Фаюкин.— Загину!» Можно было напроситься в какую хату, перележать, но срок его возвращения уже кончился, а выполнение задания казалось ему важнее самой жизни — как же так, командир не получит сведений, могут зазря погибнуть люди, а он будет клевать носом в тепле? Нет, идти, выбираться, пока несут ноги...

С полдня залег на опушке небольшой рощи между станцией и селом, наблюдал — железную дорогу, по которой ходили патрули, белым днем не перескочить, на большаке за дорогой тоже не безлюдно. Надо ждать темноты. Хотелось пить, знал, что не надо, но хватал горстями сухой, сыпкий снег, лизал горячим языком. Когда засумеречнело, почувствовал себя немного лучше, утратив осторожность,— «Авось проскочу!» — решил пройти за реку самым коротким путем, логом на краю села. Солнце нырнуло к горизонту в сизую тучу, сильно мело, словно в каждом пригорке дымила печь, и ему удалось незамеченным переползти железнодорожное полотно, скользнуть в глухо шумящую, мрачную еловую посадку, добраться почти до большака, последнего опасного места.

Но тут его заметили полицаи, ехавшие на двух подводах со станции, догнали, повалили в снег. Он не особенно отбивался — что сделаешь с обломанным самодельным ножом? Привезли в село, где он когда-то жил, вволокли к Афоньке Капустину, который вместе с женой занимал отдельную хату. Тот спал за ситцевым пологом, вылез распаренный, со свалявшимся светлым чубом. Долго смотрел зеленоватыми глазами на Косого Фаюкина, словно на привидение, спросил:

— Ты? С чем припожаловал?

— Помирать шел, Афоня. Воды дай.

Зачерпнули кружкой из ведра, пил, стуча зубами.

— Помирал бы там, где шлялся,— сказал Афонька, видя, что Косой Фаюкин едва держится на ногах.— И тебе покойнее бы и мне. От наших убегал зачем?

— Били меня такие, Афоня, не раз. Как форму увижу, душа в пятки, не соображаю.

— Сообразишь, когда спрашивать станут.

— Спросишь — отвечу. Если живой буду.

— Дайте ему салицилку, вон на окне лежит,— приказал Афонька Капустин.— И отведите в караулку, я пойду коменданту доложу.

Караулкой, или арестантской, была обветшалая, покосившаяся на левый угол хата вдовы Дашки Тыквенниковой. Стояла она в глубине порядка, на краю колхозного сада, старчески горбилась темной соломенной крышей, пустовала — хозяйка года четыре назад переехала к сыну в Смоленск. В хате было холодно, пахло кислым, нервно мигала коптилка. На лежанке, втиснувшись в перетертую вонючую солому, крючились, жались друг к другу два подростка, в красном углу, где еще оставались иконы, голые, без рушников, сидел полицейский с винтовкой, зажатой меж колен. На улице, от дверей до окон, хрупал по снегу часовой.

— В детский сад помещаете,— хмыкнул Косой Фаюкин.— За это спасибо, земляки.

— Помалкивал бы,— гыркнул полицай.— Тут язык окоротим!

— А мне Афонька сказал, что спрос вести будет. Чем отвечать стану? Или такая ты птица, что выше всех летаешь?

Полицай ткнул Косого Фаюкина в спину, тот, падая на лежанку, придавил ноги подросткам. Ребята заскулили спросонья.

— Тише, мыши,— прикрикнул полицай.

— Просветил бы, что на селе делается,— сказал Косой Фаюкин.— Навели новый порядок или гайки слабы? Вздрючит вас фюрер, лодырей, это вам не в колхозе волам хвосты крутить!

— Наведешь с вами,— буркнул полицейский.— Землю надо делить, пахать да сеять, а народ кругом бандитский, стреляют.

Спохватился:

— Нечего мне с тобой, арестантом, лясы точить. Замолчь!

Косой Фаюкин поерзал, устраиваясь поспособнее, обеспокоил подростков, те заскулили, как голодные птенцы. Спросил:

— Чего торчите тут? Украли что?

Подростки не ответили, привыкли в оккупации, что больше помолчишь — лучше будет. Наутро, когда снег уже отошел от синевы, бело, до рези в глазах, высветился солнцем, Косого Фаюкина повели на допрос в штаб отряда. Он размещался в двух просторных хатах, связанных сенцами, прежде в одной был сельсовет, в другой — правление колхоза. Шел, пошатываясь, загребая снег носками. Немецкий комендант, пожилой, с жухлой кожей лица и широкими залысинами, спокойный до угрюмоватости, хорошо понимал русский язык, допрос вел по всем правилам: кто, откуда, чем занимается, с какой целью болтался около железной дороги?

Косой Фаюкин показал свой пропуск с правом на нищенство, пожелтевший, залохматившийся, повторил старую и в основе правдивую историю о бегстве от бомбежек, житье на болоте, смерти жены, мытарствах за куском хлеба. Афонька Капустин все, что касалось довоенной жизни Косого Фаюкина, подтвердил, сказал, что, правда истинная, властям дерзил, что хата его и сейчас стоит пустая, гниет на корню.

— Будет гнить, когда без присмотра,— сказал Косой Фаюкин.— Тянут, небось, кто что может.

— Ти про хат ненадобно. Ти скажи — у партизанен бивал?

— Пробегали какие-то, когда на болоте спасался. А кто — не спрашивал, боялся. Может, и партизаны, они на лбу не пишут.

— Я не про которые пробегал, я про которые бивал.

— Чего даром людей объедать? Хрен им от меня пользы, когда коровы от хаты в тридцати шагах не отличаю. Подаянием кормился, да вот тела не нагулял — нынче нас, побирушек, как мух летом. Метусимся при навозной куче.

— Намекаешь, что ли? — сощурился Афонька Капустин.

— К примеру говорю, по сельскому обычаю. Умным людям чего намекать? Свои глаза есть.

На том и стоял Косой Фаюкин, больше от него ничего добиться нельзя было. Его опять отвели в караулку. Афонька Капустин считал, что можно надавать по шеям и вытурить, но коменданту Косой Фаюкин не понравился, приказал послать на болото полицаев, посмотреть, есть ли там землянка. Река и протоки замерзли, по прямой было километров восемь. Потратили часов шесть, но нашли. Из низеньких дверей землянки, приваленных сугробом, выскочила лиса, огненным языком метнулась в березняки, от неожиданности не стреляли. Но в землянке ничего — ни ведра, ни котелка, ни тряпки. Спросили Косого Фаюкина, куда девалось, тот пожал плечами: «Разграбили, нынче все тянут».

Сообщение о землянке произвело впечатление на коменданта, может, и на этот раз для Косого Фаюкина все обошлось бы благополучно, но в ночь на открытом перегоне в трех километрах от села было взорвано железнодорожное полотно, паровоз съехал под насыпь, туда же громыхнули семь вагонов с продовольствием. Железнодорожная охрана сбивалась на лесистых участках, у мостов и мостиков, в открытом поле присматривали меньше, тем и воспользовались партизаны, благо в ночь сильно мело. Комендант за железную дорогу не отвечал, но когда неприятности, то неприятности всем, поэтому утром он снова вызвал Косого Фаюкина, выводя машинально завитушки на листке бумаги, второй раз выслушал его рассказ. В конце стукнул кулаком по столу:

— Говорьи правда! Пльохо сделаем!

— Что знаю, сказал, чего не знаю, сказать не могу. Если б книжки читал, придумал бы, а я малограмотный.

В комендатуре были свои методы добиваться правды — летом подвешивали за руки на солнцепеке или проливном дожде, зимой пороли плетью на морозе с поливом ледяной водой из колодца. Когда Косого Фаюкина вывели во двор, Афонька Капустин посоветовал:

— Знаешь чего, лучше добром скажи. Может, не по своей вине с партизанами путался, застращали.

— Ты свою службу сполняй,— отозвался Косой Фаюкин.— За нее и получишь.

— Стращаешь, а?

— Глупый ты, Афоня, зеленый — чем стращать? У тебя пистолет, у меня голые руки. Про жизнь говорю, она от века возврат. У матки да батьки спросил бы, они знают...

И все же Афонька Капустин, забубенный и нахрапистый с молодости, но не лишенный наблюдательности, встревожился, почувствовал опасный намек. Будь его воля, он выгнал бы Косого Фаюкина на все четыре стороны — не с тем, что жалел его или сочувствовал ему, а с тем, чтобы себе лишний раз не накликать беду. Пошел служить немцам по расчету, чтобы выбиться в начальство, считал, что Советская власть кончилась, никогда больше не вернется — зачем же держаться за хвост, когда можно за гриву? Однако все шло не так, как думалось, лютость немцев озлобила народ — что говорить о партизанах, в селе из-за угла могут ножом пырнуть. Выходило, что лучше поберечься, не брать на руки лишнего. Но и решать не его воля, и советы коменданту давать — что плевать против ветра...

С Косого Фаюкина сняли полушубок, рубаху, разложили на бревне лицом вниз, руки подвязали снизу. Подумал с горькой усмешкой: раньше баб обнимал, а теперь сосновую лесину... Один полицай, с обрюзгшим лицом и вывернутыми губами, незнакомый, стегал, похекивая для острастки, другой на шестом—восьмом ударе выливал кружку воды. Кожу то прожигало, словно раскаленным железным прутом, то будто схватывало льдом. Витая плетка, тонкая, потрепанная, до ребер не пробивала, но наверху рвала, оставляя темные полосы.

— Говорьи правда! — ровным, спокойным голосом повторял комендант.— Говорьи правда!

Косой Фаюкин прикусывал язык, ронял хрипло:

— Все сказал...

После тридцати или сорока ударов коменданту показалось, что полицай сечет нерадиво, приказал передать плетку своему ефрейтору. Тот, высокий, жилистый, бил без широкого замаха, но быстро и жестоко. Косой Фаюкин судорожно стискивал бревно, вжимался в него впалой грудью, вонзал ногти в податливую кору, старался думать о сынах,— если живы, отплатят! — о Матрене, о лагере, о комиссаре и Михайле Кузовкове, о том, как бьют гитлерюков под Сталинградом, им, наверное, солонее приходится... Когда спина залилась кровью, а руки стали синеть, ему на мгновение почудилось, что летит в теплую, мягкую мглу, обеспамятел. Комендант постоял, размышляя, сказал:

— Побирьуха, не побирьуха — теперь вред не делает. Теперь его нет на белый свет.

И приказал отправить Косого Фаюкина в его хату.

Полицаи положили его лицом вниз на соломенный матрац, оставшийся с довоенной поры, слежавшийся, пахнущий мышами, заледенелый. Разрешили соседям протопить печку, если хотят, дать поесть, а нет — так и нет. Косой Фаюкин попил воды, с трудом задирая голову, прожевал кусочек хлеба, прохрипел:

— Себе поберегите, на мне трата пустая...

Соседские старухи кое-как натянули над спиной дерюжку, чтобы не касалась тела, высохшего от недоедов, в чем душа держится, хлюпали носами, ни о чем не спрашивали, знали — что надобно, сам скажет. Война отучила даже самых языкатых и от сплетен и от излишнего любопытства, сунешь нос — ущемит голову. Назавтра, когда развиднелось, Косой Фаюкин стал пошевеливаться, оживать, почувствовал облегчение, будто с него ссыпалась, сползала могильная земля,— на самом деле потому, что все одеревенело, у боли тоже есть грань,— но перед глазами стояла дымная пелена, из которой смутно вырисовывалось лицо жены. Спросил:

— Ты, Матрена? Пришла?

Старухи переглянулись, закрестились:

— Видение.

Он расслышал, помотал головой:

— Помстилось... Умерла моя Матрена в лесу.

И еще, отдышавшись:

— Сыны придут, скажите — мол, в порядке помер, в человеческой вере.

С трудом сложил кукиш из синеватых пальцев, медленно приподнял над ухом:

— А это Афоньке Капустину с комендантом. Нехай закусят!

Не понимая, что к чему, где от разума, где от бреда, старушки молча плакали, утирали глаза концами застиранных платков. На улице подвывала, скулила вьюга, в окнах косо висел снег, придавленная им улица была пустынна, ни человека, ни собаки. В середине дня, облепленный белым, будто вылез из-под мельничного жернова, зашел посланный Афонькой Капустиным полицай, переминался в дверях, выяснял — что, как? Старушки качали головами — плохо, видно, отходит.

На вторую ночь под прикрытием вьюги партизаны атаковали с тыла и подожгли станцию, в жестоком бою уничтожили сильную охрану и взорвали три пролета огромного моста, отдельная группа ворвалась в село. Комендант и все немцы при нем были перебиты, большинство полицаев тоже. Человек семь или восемь, стреляя для острастки неприцельно, подались к логам, с ними Афонька Капустин. Но, видно, пришел его час — догнала пулеметная очередь на последнем броске перед обрывом, подломила, швырнула в сугроб. Закричал, звал на помощь — никто не вернулся, не перевязал. Истек кровью, смотрел в крутящиеся облака мутными ледышками вместо глаз.

Косого Фаюкина бережно укутали одеялами, обложили тюфяками, увезли на подводе — он был без сознания. Так, не приходя в себя, и умер через два дня — открыл широко глаза, будто увидел что необыкновенное, потянулся и с коротким вздохом,— казалось, выпустил на волю, в широкий мир лесов и полей исстрадавшуюся душу живую,— опал грудью, затих. Хоронили в сизом рассвете, пока не летали самолеты, на краю сухой поляны, у подножия старой плакучей березы. Сняли шапки, разорвали морозный воздух залпами из винтовок и автоматов; колыхнулись ветки, стек белыми струйками снег, комиссар поднял за плечи от талой глубинной земли обмиравшую в горе Матрену.

Прибавившись ко многим другим, темнел некоторое время в лесной чаще могильный холмик, потом снегопады и поземки зализали его, разгладили под общее белое полотно. Лишь весной, когда подули теплые ветры и на сверкании кучевых облаков снова прорисовались журавлиные стаи, опять обозначился он в особости, и старая береза сочила на него с поникших ветвей прозрачные капли, и вокруг по закрайкам отступавшего в теневые ложбины снега вспыхнули во множестве синие и розоватые цветы сон-травы.

К осени область освободили, партизаны ушли кто в армию, кто к мирным делам — в села, на заводы. Вскоре после войны, одинокая, в старой хате — сыны не вернулись — умерла жена Косого Фаюкина. К могиле его, если было по пути, изредка сворачивал кто-нибудь из знавших его в отряде, клал летом цветы, сорванные тут же, зимой — еловую ветку. А потом все стало отходить в прошлое, забываться.

Только через восемнадцать лет, когда в колхозе, на краю уже стареющего сада, в соседстве с заасфальтированной дорогой построили большой, современный, сиявший широченными окнами клуб и рядом установили памятник погибшим — обыкновенный, каких много по округе, бетонный обелиск с цветником в низенькой ограде,— снова выплыло из уже далекого прошлого, стало живым для сельчан полное имя Косого Фаюкина. Девятая сверху строчка гласила:

ФАЮКИН ГРИГОРИЙ ТИМОФЕЕВИЧ.

СВЯТОСЛАВ РИХТЕР

О. САХАРОВА

В истории искусства есть имена-легенды. У легенды свои законы: ее нельзя подсказать людям. Она не поддается шумной рекламе. Легенда всегда скромна, целомудренна. Потому что легенда — это не только талант и не только работа, но и самопожертвование и честность. В искусстве героем легенды становится лишь тот, чья жизнь насыщена одним порывом, подчинена одной цели — творчеству...

В блистательный ряд избранных вписано имя, ставшее олицетворением всего лучшего, чем славно наше искусство,— пианиста, народного артиста СССР, лауреата Ленинской премии, Героя Социалистического Труда Святослава Рихтера.

Его знают все. Для многих его фамилия стала почти нарицательной, она звучит как синоним слова «музыкант». Имя артиста выросло в понятие: в него вкладывается суть исполнительского искусства, суть музыки-откровения.

Если попросить кого-то, кто не раз слушал Рихтера, рассказать, «как он играет», ответ, видимо, будет схож со словами знаменитой арфистки Веры Георгиевны Дуловой: «Говорить об игре Рихтера простыми, обыденными словами нельзя,— они неспособны передать грандиозность чувств, открываемых им в музыке. А выспренность, словесный пафос с игрой Святослава Теофиловича вообще несовместимы. Просто, когда его слушаешь, переходишь в его мир. Бессознательно и с огромным душевным наслаждением открываешь для себя новое в давно привычных, знакомых звуках».

Каждый истинный талант — это особый строй чувств, особая гармония, особое ощущение жизни. Искусство, неустанно двигаясь вперед, питается скупыми озарениями их побед, а не валовым сбором выверенного, модного успеха.

...Первый концерт для фортепьяно с оркестром Петра Ильича Чайковского. Солирует Святослав Рихтер. Знакомые, даже привычные звуки темы вдруг рождают в вас ощущение скрытой тревоги. Мощные «колокольные» аккорды будто предупреждают: покоя не будет! Не будет довольства от созерцания красот мелодий и виртуозности. Рихтер словно вскрывает главный нерв музыки, все подчиняя ему: клавиатуру, собственные пальцы, палочку дирижера, оркестр, дыхание зала... Все, что творит музыку, становится единым организмом, где рояль — главный голос, голос души. Он вплетается в общую ткань музыки: вот он растворился в ней и вдруг — отринул все: скрипки, валторны, флейты... И тогда в полную силу вступает волшебство рихтеровского звука: его глубина, продолженность делают музыкальные образы почти материальными, осязаемыми. Величие и скрытая тревога, мольба и неспешное раздумье, удалое веселье и торжественность гимна — все оказывается неразрывно связанным пианистом в одной общей идее.

Вот здесь-то и приходишь к тому непреложному ощущению, что воля исполнителя звучит как олицетворенная воля композитора, будь то Чайковский или Шуберт, Мусоргский или Бетховен. При всей нынешней моде на «собственные видения» самой смелой интерпретацией оказывается точное воплощение авторского замысла.

Как-то на одной из встреч в Центральном Доме работников искусств Святослав Теофилович, отвечая на вопросы о принципах его исполнительства, сказал: «Я просто стараюсь играть так, как написано композитором».

Сложнее такой простоты в исполнительском искусстве ничего нет. Чтобы прочесть правду большой музыки, надо обладать тем же богатством чувств и дарования, что и ее автор. Святославу Рихтеру это дано, как, пожалуй, никому другому.

Может быть, поэтому, когда слушаешь в исполнении Рихтера сочинения Баха и Скрябина, Листа и Рахманинова, противу всякого здравого смысла приходишь к мысли, что великие наши предки писали свою музыку именно для Рихтера: доверие композитора к исполнителю будто оживает в музыке, радуясь освобождению.

Недаром и Дмитрия Дмитриевича Шостаковича привлекла дорогая эта черта пианиста. «Мне кажется, что главной задачей, которую ставит себе С. Рихтер, является точное и в то же время творчески-вдохновенное изложение авторского замысла. Этой цели С. Рихтер посвящает весь свой огромный талант, все свое феноменальное мастерство».

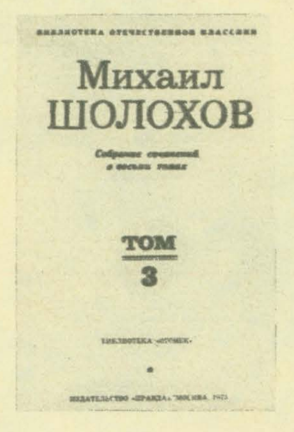
Талант и мастерство... В какой подчиненности они сосуществуют? Что создает основу признания? Мы теперь много и всерьез говорим о профессионализме художника. О роли и месте профессионализма в процессе творчества. Но не приводит ли это к обеднению откравного импульса в искусстве: одержимости, неотрывной от создания образов? Мастерство Рихтера, о котором говорит Шостакович,— хлеб его таланта. Дар его не мог жить вне колоссальной музыкальной эрудиции, тренированной памяти,— сейчас активный репертуар Святослава Теофиловича обширен, как ни у какого другого исполнителя (при том, что некоторые сочинения исполнялись им единожды). Однако все это копилось — подспудно ли, сознательно ли, но лишь как средство, отнюдь не становясь целью. Думается, что и недюжинные способности Рихтера-живописца — тоже пища для его таланта...

Это и есть одержимость творчеством. Кажется, давным-давно она привела молодого музыканта в Москву, в консерваторский класс Генриха Густавовича Нейгауза. Поддерживала в трудные, нерадостные дни. Вела от успеха к успеху, роняла в душу горечь неудовлетворенности, не давая остановиться, застыть. И, кто знает, может быть, святая эта одержимость могла ни разу не поступиться своими принципами.

Говорят, любая страсть рождает ответную... Чувство, которое испытывают к Рихтеру любители музыки,— истинная страсть, а не поклонничество, не ажиотаж вокруг кумира. Уже в военные годы студенческие концерты с участием молодого пианиста собирали слушателей со всей Москвы. Во время выступления Святослава Рихтера на Всесоюзном конкурсе музыкантов-исполнителей в 1945 году зрители сидели буквально по трое на одном стуле. Внезапно посреди выступления погас свет. Но пианист не умолк, а публика не зашумела; прослушивание продолжалось при свете свечи. И когда она вдруг упала вместе с последним аккордом, в замершей темноте зала особенно драгоценной была та тишина между последним звуком музыки и шквалом аплодисментов, которая и есть признание.

Признание Рихтеру приносит каждая новая запись, каждый новый концерт, будь то в зарубежных гастролях или на родине.

Не так давно во Франции, в Лионе, концерт Рихтера задержался на неопределенное время: зрителям сказали, что опаздывает самолет, на котором летел пианист. Кроме этого, выяснилось, что Рихтер нездоров и неизвестно вообще, состоится ли концерт. Полторы тысячи зрителей ждали больше часа, когда дирекция зала объявила: только врач, находящийся у Рихтера, скажет, можно ли ему играть. Публика продолжала ждать... Что сказал врач, неизвестно, но Рихтер не обманул ожиданий своих почитателей. Он играл, как всегда, вдохновенно, страстно и правдиво.

ШОЛОХОВ

В ИЗДАНИИ «ОГОНЬКА»

Вышел из печати третий том нового собрания сочинений Михаила Шолохова, в котором помещена 3-я книга «Тихого Дона» с иллюстрациями О. Верейского.

Николай ЕЛИН,
Владимир КАШАЕВ

Находчивый парень

— Все, Василий Никифорович,— отрапортовала лоточница Люся директору магазина «Кулинария».— Кондитерские изделия распродала. Могу идти домой?

— Хорошо,— согласился Василий Никифорович.— Я тебя отпущу пораньше. Но только сначала реализуй свиную печенку. Килограммов двадцать продашь — и можешь идти.

— Да вы что?! — изумилась Люся.— Кто ж под праздник печенку будет брать? Я же с ней до ночи простою!

— Конечно, торты продать легче,— пожал плечами директор.— А печенку мне самому есть прикажешь? В общем, ступай за грузчиком, берите двадцать килограммов и везите к подземному переходу. Там народу много, быстрее разберут.

И, не желая слушать возраженчй, Василий Никифорович скрылся в своем кабинете.

...Через полчаса Люся уже стояла в переходе и монотонно повторяла:

— Берите печенку! Кому свиной печенки? Полезный и питательный продукт! Кто забыл купить печенку?

Мимо нее сновали прохожие с сумками, свертками, цветами. До свиной печенки никому не было ни малейшего дела. Только бойкий, языкастый парень, торговавший по соседству книгами и календарями, время от времени сочувственно поглядывал на Люсю и улыбался.

— Чего зубы скалишь?! — не выдержала Люся.— Небось, поставь тебя на мое место, сразу бы загрустил!

— Нет, не загрустил бы,— засмеялся парень.— Просто я бы рекламе больше внимания уделял.

— Как это? — не поняла Люся.

— Очень просто. Хотите, я весь ваш товар за полчаса продам?

— Ох, какой специалист нашелся! — съязвила Люся.— Много понимаешь в свиной печенке!

— А мне и понимать не нужно. Ну-ка, посторонись.

Он застелил газетой книги на своем лотке, подошел к Люсе, взял в руки самый большой кусок печенки и объявил на весь переход:

— Внимание, товарищи! Не проходите мимо! Сенсационная новость! Убийство на комбинате!!

— Что ты болтаешь?! — испугалась Люся.— На каком комбинате?

— Как на каком? — удивился парень.— На мясокомбинате! Где же еще свиней режут?

И, повернувшись к прохожим, продолжал:

— Трагическое происшествие! Гибель при загадочных обстоятельствах!!

— Почему при загадочных? — снова зашептала Люся.

— А вы разве знаете обстоятельства, при которых была убита эта свинья?

— Нет, не знаю...

— Ну то-то! И я не знаю. И для покупателей это полнейшая загадка. Значит, обстоятельства для всех нас загадочные. Да вы лучше стойте и не перебивайте, а то людей отпугнете.

Он взвесил какому-то мужчине килограмм печенки и принялся рекламировать Люсин товар еще энергичнее.

— Нож под лопаткой!!!

Рядом с лотком стали останавливаться заинтригованные прохожие. А парень не унимался:

— Следы ведут в магазин!

Вокруг уже гудела взволнованная толпа:

— Мне дайте, мне!

— Куда вы без очереди лезете, гражданин? Вы здесь не стояли!

— Маша, Маша, возьми и на мою долю!

— Больше чем по полкило в одни руки не давайте!

В это время кто-то потянул Люсю за рукав. Она обернулась и увидела директора магазина Василия Никифоровича. Пальто у него было расстегнуто, глаза возбужденно блестели.

— Люся! — задыхаясь, шепнул он. —Люся! Я тебя домой пораньше отпущу... Только оставь на мою долю килограммчик!

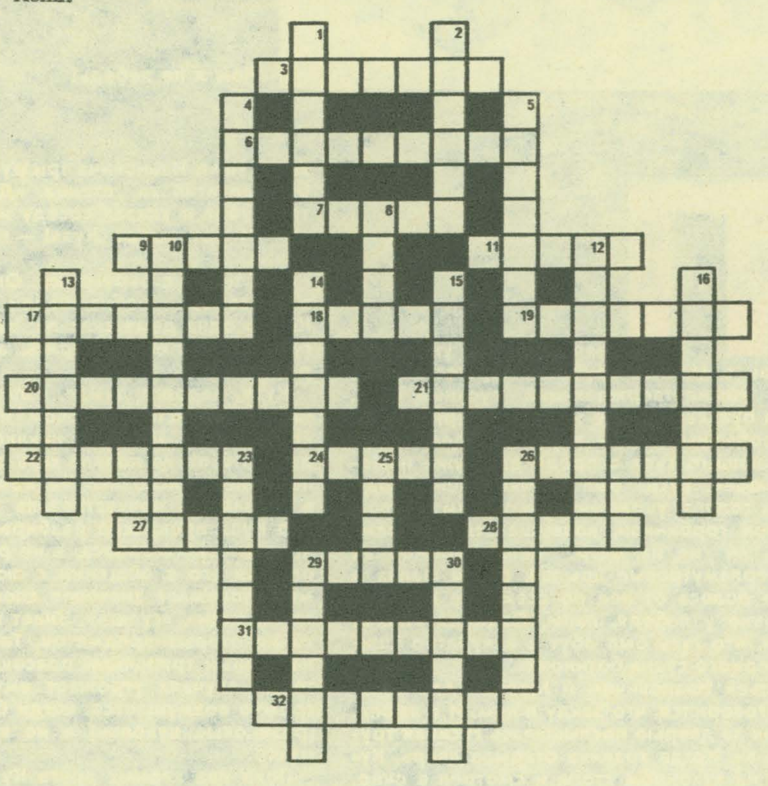
КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Персонаж повести Н. В. Гоголя «Сорочинская ярмарка». 6. Драгоценный камень. 7. Опера С. В. Рахманинова. 9. Вращающаяся часть электрической машины. 11. Басня И. А. Крылова. 17. Порт в Тунисе. 18. Химический элемент. 19. Ударный инструмент. 20. Обезьяна. 21. Наука о горных породах. 22. Столица союзной республики. 24. Часть оси, опирающаяся на подшипник. 26. Перечень предметов в определенном порядке. 27. Холодное оружие. 28. Приток Дуная. 29. Раздел книги, статьи. 31. Поэма Т. Г. Шевченко. 32. Автор комедии «Школа злословия».

По вертикали:

1. Денежная единица Древней Руси. 2. Музыкальная пьеса. 4. Морская птица. 5. Стихотворный размер. 8. Пушной зверь. 10. Областной центр в Казахстане. 12. Морская мера длины. 13. Продукт перегонки нефти. 14. Селение на Дону, Кубани. 15. Спутник планеты Сатурн. 16. Русский певец. 23. Река, впадающая в Байкал. 25. Лесной массив. 26. Действующее лицо драмы Л. Н. Толстого «Живой труп». 29. Горячий источник. 30. Название ряда хребтов в Средней Азии.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 13

По горизонтали:

7. «Родинка». 8. Баженов. 9. Одуванчик. 10. Глаголица. 12. Реактив. 15. Дагомея. 17. Ольга. 18. Мокко. 19. Лемма. 21. Анкер. 23. Хоровод. 25. Исфахан. 27. Анемометр. 29. Скарлатти. 31. Секатор. 32. Миндаль.

По вертикали:

1. Дрина. 2. Звено. 3. Кочубей. 4. Скачки. 5. Папаха. 6. Колизей. 11. Ильинский. 13. Коломбо. 14. Водопад. 15. Давлури. 16. Осьмина. 20. Гобелен. 22. Пастила. 24. Оселок. 26. «Старик». 28. Огарь. 30. Лодзь.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Будапешт. 18 марта 1975 года.

Фото В. Мусаэльяна, В. Соболева

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: На улицах Малаги (см. в номере репортаж «Девять дней около Малаги»).

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. КУДРЯВЦЕВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 10/III—75 г. А 00543. Подп. к печ. 25/III—75 г. Формат 70×108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 701. Тираж 2 000 000 экз. Заказ № 287.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Чем я не лебедь!

Г. МАКАРОВ
Фото автора

Кузя

Право, не так уж часто услышишь в Москве трубный, торжественный и такой жизнеутверждающий гусиный клич. Проходя бульваром, где живу, я обернулся на такой необычный здесь звук и увидел важно вышагивающего гуся впереди двух уже немолодых людей. Гусь был великолепен. Гордо поднятая голова, украшенная мощным клювом с большой горбинкой, возвышалась над землей чуть ли не на метр. Белая мраморная грудь, перламутровые крылья, серая шапка и такая же полоса от нее по всей шее и... черные, словно у лебедя, лапы. Подойдя ближе, я увидел, что гусь был обут в аккуратно сшитые из черного сукна ботиночки.

С Ильей Ивановичем и Марией Алексеевной я договорился, что зайду к ним. И я зашел. На звонок за дверью послышалась гусиная труба: «Га-а-а». Когда хозяйка открыла дверь, Кузя стоял на кухонном столе и смотрел в окно.

— Деда ждет,— сказала Мария Алексеевна.

...Два с чем-то года назад поливал «дед» свой садик под окном. А супруга и говорит: «Там что-то пищит».

Тот спустился с третьего этажа и поднял грязный комочек, который попискивал и слегка шевелился. Опустил его в ведро с водой, и комочек поплыл. Прошло четыре недели, и комочек этот стал чистеньким желтым гусенком.

Тут появился сосед. Он заявил, что привез-де вот из деревни полуторалетней дочке живую игрушку, потом она ей надоела, и птенца выбросили на улицу. Увидя симпатичного гусенка, он стал угрожать милицией и потребовал у Ильи Ивановича три рубля, которые якобы заплатил за птенца. «Дед» молча отдал три рубля и указал соседу на дверь.

— И вот вырос Кузя! — говорит Илья Иванович.

Его знают в округе все. Он ходит с «дедом» в универсам, любит людей. Правда, не всех. Как-то одна дама сказала: «Ах, какой хороший гусь, вот бы его зажарить, а шейку нафаршировать!»

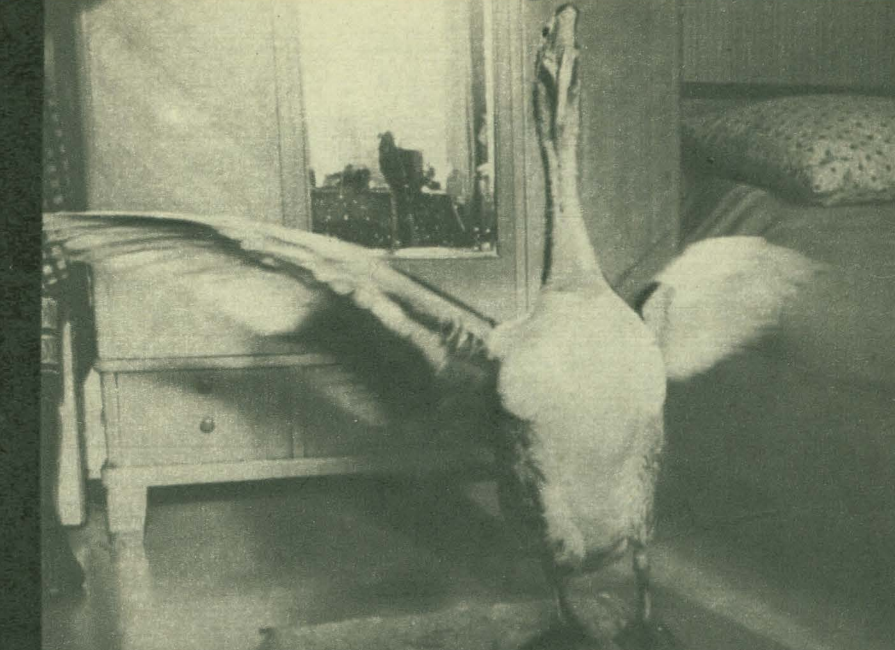
Кузя, недолго думая, взлетел ей на плечи и своим увесистым клювом начал разделывать ее прическу. Не имея никакого права утверждать, что птица поняла хоть одно слово, я тем не менее нисколько не сомневаюсь, что она в сказанном почувствовала злое и страшное. Что Кузя прекрасно разбирается в интонациях человеческого голоса, я не раз убеждался, наблюдая его в общении с людьми. Он, например, понимает значение слов «купаться», «летать», «иди», «гулять». Знает назначение и место некоторых предметов. Так, он зло косится на черный тряпочный поясок, которым в некоторых случаях угрожает ему Илья Иванович, громко возмущается, когда берут его игрушки (резиновые куколки) и не возвращают их на место.

Пока два верных друга Кузи, бывшая медсестра Мария Алексеевна Короткова и бывший пожарный Илья Иванович Прудцев, рассказывали эту историю, гусь принял ванну, сделал перед зеркалом зарядку, а затем «гакнул», и его стали обувать в черные ботиночки. Здесь я и узнал их назначение. Каждую свою прогулку по улице Кузя начинает с полета. Правда, полет этот происходит почти без отрыва от земли. Тормозя об асфальт или плотный лед, увесистая птица иногда ранила лапы. Обратились за помощью в сапожную мастерскую, но там, увы, сшить ботинки для Кузи отказались, и Мария Алексеевна взялась за это дело сама. А что гусь доволен обувью, видно по снимкам.

На взлете.

Чьи ботинки лучше!

Физзарядка.

Каждое утро.

Кузина столовая.

Индекс 70663
Цена номера 30 коп.